

ПЕТРАРКА.

Франческо Петрарка былъ сыномъ Сера Петракко (т. е. Пьетро) ди Серъ Паренцо изъ Флоренціи и самъ называлъ себя Франческо Петрарка, вмѣсто Франческо ди Петракко, латинизируя свое имя. Отецъ его былъ ученымъ юристомъ и занималъ должность канцлера при магистратѣ Riformagioni. Будучи, подобно Данте, съ которымъ онъ находился въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, изгнанъ изъ Флоренціи вмѣстѣ съ партіей Бѣлыхъ (1302), онъ сначала избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Ареццо, и въ этомъ городѣ, въ Via dell' Orto, 20 Іюля 1304 г. у него родился сынъ Франческо. Когда ему было всего семь мѣсяцевъ, мать взяла его вмѣстѣ съ собой въ родное имѣнье, находившееся въ Анчизѣ, близъ Флоренціи, а послѣ въ Пизу, въ 1312 г. Петракко вмѣстѣ съ женой и дѣтьми отплылъ въ Авиньонъ, куда уже семь лѣтъ тому назадъ былъ перенесенъ папскій престолъ. Для пріобрѣтенія первыхъ познаній по грамматикѣ, риторикѣ и диалектикѣ, мальчикъ пробылъ четыре года въ сосѣднемъ съ Авиньономъ Карпантра, послѣ чего онъ въ теченіи четырехъ лѣтъ изучалъ права въ Монпелье и въ теченіи трехъ въ Болоньѣ. Но съ нимъ случилось то же самое, что потомъ случалось со столькими поэтами: занятіе юриспруденціей было противно его идеально настроенной натурѣ, и, вмѣсто того чтобы читать юридическія книги, онъ съ жаромъ отдался чтенію классическихъ писателей, внушившихъ ему пламенное преклоненіе. Отецъ его вполне резонно убоялся, что благодаря такому чтенію онъ упуститъ занятія, которыя должны были доставить ему прочный заработокъ, и однажды, какъ рассказываетъ самъ поэтъ (Ep. Sen. XVI, 1), онъ вытащилъ его любимыя книги изъ потаеннаго мѣста, гдѣ они находились, и бросилъ ихъ въ огонь, но, тронутый слезами сына, успѣлъ спасти въ послѣдній моментъ двѣ книги: Цицероновскую риторику и Виргилія, именно тѣ двѣ книги

которыя въ послѣдствіи сдѣлались главнѣйшими образцами Петрарки. Въ 1320 г. поэтъ возвратился въ Авиньонъ, и такъ какъ родители его умерли, а средствъ у него не было, онъ также, какъ его братъ Герардо, вступилъ въ духовное званіе. Въ Авиньонѣ въ то время царствовала блестящая и порочная жизнь, благодаря испорченности папъ и папскаго двора; общее теченіе захватило и обоихъ молодыхъ людей, они отдались щегольству, умащали себя благовоніями, принимали участіе въ наслажденіяхъ и забавахъ общества. Именно тогда случилось, что Петрарка однажды, 6-го Апрѣля 1327 г., увидалъ въ церкви Santa Chiara свою Лауру и проникся къ ней знаменитой любовью, вошедшей въ поговорку. День и часъ этого событія, исполненнаго для него такой важности, онъ самъ отмѣтилъ въ своихъ стихахъ (*Son. Voglia mi sprona*).

Кто была эта Лаура, поэтъ не говорилъ никогда, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: чувство, такое деликатное, ищетъ тайны, бѣжитъ разоблаченія. Только съ однимъ положительнымъ фактомъ поэтъ знакомитъ насъ; подобно тому какъ онъ обозначаетъ въ своихъ стихахъ точнымъ образомъ начальную дату своей любви, онъ указываетъ также ея конецъ, какъ конецъ земной страсти, упоминаетъ о смерти Лауры (*Son. Tognami a mente*). Она умерла въ 1348 г. въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, какъ тогда, когда онъ увидалъ ее впервые. Обѣ даты повторяются и подтверждаются въ важныхъ, съ точки зрѣнія біографической, замѣчаніяхъ о смерти лицъ, близко къ нему стоявшихъ; эти замѣчанія написаны собственной рукой Петрарки на листкѣ, вклеенномъ въ *Codice di Virgilio*, который принадлежалъ ему, а теперь, послѣ столькихъ превратностей, находится въ *Biblioteca Ambrosiana* въ Миланѣ; изъ этихъ замѣчаній мы, кромѣ того, узнаемъ, что первая встрѣча съ возлюбленной, какъ было сказано, произошла въ церкви Santa Chiara въ Авиньонѣ и что Лаура была погребена вечеромъ того самаго дня, когда умерла, въ церкви Францисканцевъ. Въ послѣдствіи укоренилось общее убѣжденіе, что она умерла отъ чумы, которая свирѣпствовала въ Европѣ въ 1348 г. именно потому, что поэтъ нѣсколько разъ указываетъ на внезапность ея смерти; высказано также убѣжденіе, что когда поэтъ представляетъ въ канцонѣ *Standomi un giorno* утрату возлюбленной Лауры въ образѣ корабля, разбивающагося во время бури о подводный камень, встрѣчающееся тамъ выраженіе *tempesta oriental* намекаетъ на бичъ, пришедшій съ востока, какъ на причину ея смерти. Наболѣе древніе біографы не говорили о Лаурѣ совершенно ничего; но въ XVI столѣтіи, когда преклоненіе передъ поэтомъ все возрастало, естественнымъ образомъ пробудилось желаніе ближе ознакомиться съ той, которую онъ прославилъ въ своихъ стихахъ. Поэтому Алессандро Веллутелло, одинъ изъ комментаторовъ канцонъ, отправился во Францію чтобы на мѣстѣ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ

Авиньонѣ онъ ознакомился съ преданіемъ, что возлюбленная Петрарки принадлежала къ фамилии де Садъ, но личность, на которую ему указывали, по возрасту совершенно не подходила, и изслѣдованія, предпринятые въ другомъ направленіи, сопровождались такимъ же малымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ этого одинъ ученый изъ Ліона, Морисъ де Севъ, возобновилъ эти изысканія и будто бы открылъ въ 1533 г. могилу Лауры въ францисканской церкви, и дѣйствительно въ часовнѣ, принадлежащей фамилии де Садъ. Надписи на могилѣ не было; но когда, въ присутствіи архіепископскаго викарія Мессера Бонтемпо и другихъ лицъ, она была открыта, тамъ былъ найденъ среди остатковъ костей свинцовый футляръ и въ немъ запечатанный кусокъ пергамента съ итальянскимъ сонетомъ на смерть Лауры, и медальонъ съ женскимъ портретомъ и съ буквами M. L. M. J., которыя де Севъ истолковываетъ, какъ инициалы фразы: *Madonna Laura morta jacet*. Это открытіе произвело много шума и съ тѣхъ поръ укоренилось всеобщее убѣжденіе, что Лаура принадлежала къ фамилии де Садъ. Въ прошломъ столѣтіи появилась наконецъ обширная біографія Петрарки, принадлежащая аббату де Садъ, который былъ убѣжденъ, что ему удалось устранить всѣ сомнѣнія и опредѣлить точно и рѣшительно личность Лауры; ибо въ архивѣ своей семьи онъ нашелъ брачный контрактъ нѣкоей Лауры, дочери Одиберта де Новъ, которая вышла замужъ въ 1325 г. за Уго де Садъ, была матерью одиннадцати дѣтей, 3 апрѣля 1348 г. захворала и тогда указала въ своемъ завѣщаніи на францисканскую церковь, какъ на мѣсто своего погребенія ¹⁾.

Итакъ это открытіе подтвердило и дополнило то, что было уже извѣстно благодаря открытію могилы въ 1533 г. Однако въ этомъ послѣднемъ долженъ былъ играть роль обманъ, какъ показалъ Вудхусли ²⁾. Сонетъ, который былъ найденъ и который былъ единственнымъ свидѣтельствомъ, что эта могила принадлежала Лаурѣ, а не кому-нибудь другому, этотъ сонетъ, если только въ немъ есть какой-либо смыслъ, долженъ быть написанъ Петраркой, ибо онъ говоритъ въ немъ отъ перваго лица. Но когда умерла Лаура, Петрарка былъ въ Италіи и возвратился во Францію только въ 1351 г.; такимъ образомъ онъ долженъ былъ три года спустя послѣ смерти своей возлюбленной велѣть открыть гробницу, чтобы поло-

1) *Mémoires pour la vie de François Petrarque tirés de ses oeuvres et des auteurs contemporains*, три тома, изданные безъ имени автора, Amsterdam, 1764 — 1767; документы о Лаурѣ въ 1-мъ томѣ, notes, p. 7 и слѣд., и III, pièces justif., n. VI и XXVI; ib. I, notes, p. 29 и слѣд. объ изысканіяхъ Веллутелло, и III, pièces justif., n. X, письмо де Турна и сонетъ.

2) *Historical and Critical Essay on the Life and Charakter of Petrarch*, Edinburgh, 1810. Знаю эту книгу только изъ указаній, сдѣланныхъ Гортисомъ, *Scritti inediti di Fr. Petrarca*, p. 268 и слѣд. Trieste 1874.

жить туда свои стихи. Таково было въ дѣйствительности мнѣніе де Сева и типографшика де Турна, письмо котораго даетъ намъ свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ открытія. Но уже не говоря о томъ, что фактъ открытія гробницы въ часовнѣ, принадлежащей чужой фамилии, съ такой цѣлью, въ высшей степени невѣроятенъ, — самый сонетъ не можетъ быть приписанъ Петраркѣ, ибо онъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ жалкія вирши. Это соображеніе хотѣли устранить догадкой, что стихотвореніе отъ имени любящаго написалъ кто-нибудь другой: однако и это совершенно невѣроятно; кто въ Авиньонѣ, при громадной сдержанности Петрарки даже по отношенію къ самымъ близкимъ друзьямъ, могъ настолько хорошо знать о его любви, чтобы вмѣсто него воспѣвать Лауру! Очевидно стихи представляютъ изъ себя поддѣлку, поддѣлку представляетъ изъ себя и медаль; де Севъ, который непременно хотѣлъ найти то, чего онъ искалъ, положилъ ее туда прежде оффиціального открытія могилы, — и потомъ конечно ее могли тамъ видѣть король Франсуа и кардиналъ Садолето и многія другія лица, вполне достойныя вѣры. Но если открытіе могилы было простымъ обманомъ, тогда сдѣланное де Садомъ отождествленіе возлюбленной Петрарки съ Лаурой де Новъ, на которой женился Уго де Садъ, теряетъ свое вѣроятіе, и самое большее, что остается, это нѣкоторая правдоподобность, обусловленная согласованіемъ датъ и мѣста погребенія въ завѣщаніи и въ примѣчаніи, сдѣланномъ на виргилиевскомъ манускриптѣ, а также проистекающая изъ стараго преданія, которое гласитъ, что Лаура принадлежала къ фамилии де Садъ.

Многіе конечно считали воззрѣнія де Сада ошибочными уже по одному тому, что имъ казалось невозможнымъ, чтобы Лаура, внушившая канцоны, была замужней женщиной и матерью одиннадцати дѣтей; отношенія Петрарки къ ней будто бы дѣлались отъ этого не поэтическими, болѣе того, безнравственными. Но такое сужденіе, такъ же какъ и многія современныя сужденія о дантевской Беатриче, основываются на смѣшеніи эпохъ и ихъ нравовъ, на недостаточномъ знакомствѣ съ той исторической обстановкой, въ которой жилъ поэтъ. Если мы примемъ во вниманіе, что любовь, воспѣвавшаяся въ средне-вѣковой поэзіи, вообще направлялась къ замужнимъ дамамъ, по отношенію же къ незамужнимъ являлась чѣмъ то необычнымъ, тогда мы не будемъ удивляться, что Лаура, въ стихахъ чистая богиня, въ жизни была супругой и матерью, по крайней мѣрѣ фактъ ея супружества несомнѣненъ, такъ какъ Петрарка, говоря о ней, постоянно рисуетъ ее женщиной, а не дѣвушкой. Есть конечно мѣста представляющіяся исключеніемъ, и защитники противоположнаго взгляда не замедлили на нихъ сослаться. Но тѣ стихи, гдѣ поэтъ говоритъ о своей возлюбленной, какъ о дѣвушкѣ, находятся въ эклогахъ и въ мадригалахъ, т. е. въ стихотвореніяхъ, которыя разрабатываютъ

свои сюжеты подъ покровомъ аллегорической пасторали. Идиллическая поэзія (мадригалы сюда относятся, такъ же, какъ и эклоги) у Петрарки всегда аллегорична; онъ воспѣваетъ не сельскую жизнь, взятую какъ самостоятельное явленіе, а только собственное впечатлѣніе и событія времени, взятые подъ условіемъ пасторального образа, ибо этого требовала данная манера, и подобно тому какъ города превращаются въ лѣса, народы въ стада, дома въ пещеры, такъ точно возлюбленная является пастушкой, но отсюда отнюдь нельзя дѣлать какихъ нибудь заключеній касательно ея реальнаго существованія.

Въ Авиньонѣ Петрарка нашелъ свою любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ богатое развитіе своей внутренней жизни и своего творчества; тамъ же онъ приобрѣлъ протекцію одной изъ вліятельныхъ римскихъ дворянскихъ фамилій, Колонна, и благодаря этому обстоятельству вскорѣ освободился отъ матеріальныхъ заботъ. Черезъ четыре года послѣ своего прибытія въ этотъ городъ онъ познакомился съ Якопо Колонна, который обратилъ на него вниманіе благодаря его итальянскимъ пѣснямъ (Sen. XVI, 1), призвалъ къ себѣ поэта и тотчасъ вступилъ съ нимъ въ тѣсныя дружескія отношенія; онъ взялъ его съ собою въ свое епископство Ломбецъ, находившееся у подножія Пиринеевъ, гдѣ въ 1330 году онъ провелъ лѣто, а по возвращеніи оттуда онъ познакомилъ Петрарку съ своимъ старшимъ братомъ кардиналомъ Джіованни Колонна; на службу къ этому послѣднему и поступилъ поэтъ: неизвѣстно въ чемъ состояла служба, но по словамъ самого Петрарки на него смотрѣли не какъ на подчиненнаго, а какъ на друга и брата. Эти отношенія, порвавшіяся только со смертію кардинала (1348 г.), были настолько чужды гнета, что совершенно не привязывали поэта къ личности его покровителя. Въ 1333 году онъ предпринялъ свое большое путешествіе въ сѣверную Францію и въ Германію. Онъ посѣтилъ прежде всего Парижъ, старая нетерпѣніемъ увидѣть собственными глазами, что было правдиваго въ чудесныхъ разказахъ о великомъ городѣ. Онъ отправился въ Гентъ, въ Лютихъ, увидалъ въ Ахенѣ гробницу Карла Великаго въ кафедральномъ соборѣ и узналъ отъ лицъ духовныхъ прекрасную легенду о чудесномъ драгоценномъ камнѣ, который, согласно съ преданіемъ, былъ причиной любви императора къ городу Ахену. Кельнъ произвелъ на него совершенно особенное, благопріятное впечатлѣніе: *Mirum in terra barbarica quanta civilitas*, говоритъ онъ въ письмахъ къ кардиналу (Fam. I, 3, 4), которыя описываютъ его путевыя впечатлѣнія и болѣе чѣмъ что либо другое отличаются живостью и изобразительностью. Онъ услаждался воспоминаніями о Римскомъ величій, о которомъ говоритъ этотъ городъ, восхищался начатымъ соборомъ и еще болѣе толпой прекрасныхъ женщинъ, которыя по старому обычаю наканунѣ Иванова дня собирались на берегу Рейна для символичес-

каго омовенія. Оттуда, проѣхавшись одиноко черезъ дикій Арденнскій лѣсъ, онъ вернулся въ Авиньонъ. Три года спустя (къ концу 1336 года) онъ снова увидѣлъ Италію и впервые вступилъ въ вѣчный городъ (1337 г.), гдѣ въ сопровожденіи престарѣлаго Стефана Колонна и другихъ сочленовъ фамиліи посѣтилъ свята мѣста и осмотрѣлъ памятники древности. Вернувшись снова въ Авиньонъ и испытывая крайнее отвращеніе къ шумной и распущенной жизни папскаго города, онъ нашелъ себѣ тихое убѣжище въ Воклюзѣ, въ сельскомъ обиталищѣ, богатомъ всѣми красотами природы; здѣсь скалы плотно сходятся, окружая чистый кристальный источникъ Соргъ; поэтъ полюбилъ этотъ уголокъ, часто воспѣвалъ его въ своихъ стихахъ, описывалъ въ своихъ письмахъ, постоянно къ нему возвращался, чтобы отдохнуть тамъ и заниматься, чтобы мечтать и сочинять. Произведенія его по большею частью были созданы въ этомъ уединеніи, или по крайней мѣрѣ были тамъ начаты. Многіе изъ его канцонъ и сонетовъ были тогда уже написаны, приобрѣли извѣстность и снискали всеобщее поклоненіе. Однажды, когда онъ бродилъ по горамъ, ему пришла въ голову мысль воспѣть побѣдителя Ганнибала, Сципіона Африканскаго; съ величайшимъ энтузіазмомъ онъ началъ латинское эпическое стихотвореніе подъ заглавіемъ Africa и написалъ его большую часть. Жадное стремленіе къ славѣ заставило его желать вѣшняго прославленія поэтическихъ заслугъ, торжественнаго увѣнчанія лавровымъ вѣнкомъ. Если можно вѣрить его собственнымъ позднѣйшимъ признаніямъ въ книгѣ *De Contemptu Mundi*, это желаніе возникло въ немъ, въ немалой степени, благодаря имени его возлюбленной. Безконечное число разъ онъ сопоставляетъ въ стихахъ свою Лауру съ лавромъ (*lauro*), пользуется этимъ послѣднимъ въ качествѣ аллегорическаго образа возлюбленной, и это обстоятельство, обязанное своимъ происхожденіемъ случайности и являющееся въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ игрой, приобрѣтало для него самое значеніе болѣе глубокое и реальное; любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ, двѣ главнѣйшія двигательныя пружины въ его тогдашнихъ стремленіяхъ и помыслахъ, сочетались другъ съ другомъ все нѣжнѣе и сердечнѣе. Желаніе лавровъ было у него настолько стремительнымъ, что для удовлетворенія его онъ прибѣгалъ даже къ средствамъ мало похвальнымъ. Какъ показываетъ письмо отъ 4 января 1339 года, адресованное къ Діониджи да Борго Санъ Сеполькро, онъ хотѣлъ вынудить эту почесть отъ короля Роберта Неаполитанскаго, передъ которымъ онъ давно уже преклонялся, какъ передъ величайшимъ княземъ своей эпохи и съ которымъ въ концѣ концовъ вступилъ въ желанную переписку; въ случаѣ, если бы ему эта почесть не досталась добровольно, онъ хотѣлъ понять дружескія слова короля, какъ приглашеніе, хотя у короля такового совѣтъ и не было въ помыслахъ.

Въ счастью это оказалось лишнимъ; друзья-ли за него постарались или высокое признаніе его поэтическихъ заслугъ было самопроизвольнымъ и обусловленнымъ только его извѣстностью, въ то время уже большой, какъ бы то ни было, въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября 1340 года онъ получилъ въ Воклюзѣ два приглашенія на увѣнчаніе лаврами, одно отъ парижскаго университета, другое отъ римскаго сената. Сперва онъ колебался, какое изъ этихъ двухъ приглашеній онъ долженъ принять; но потомъ, какъ это и было естественно для итальянца и для почитателя классической древности, рѣшилъ въ пользу Рима. Однако, предварительно онъ отправился въ Неаполь и подчинился тамъ приговору короля Роберта; этотъ подвергъ его испытанію въ трехдневномъ разговорѣ и призналъ его достойнымъ высшей чести. Прибывъ въ Римъ 8-го апрѣля 1341 года въ пасхальное воскресенье, онъ вступилъ въ Капитолій при трубныхъ звукахъ, и среди громаднаго стеченія ликующей толпы говорилъ рѣчь о сущности поэтическаго творчества, а также о значеніи лавра, и получилъ изъ рукъ сенатора Орсо делла Анвиллара вѣнокъ, который онъ, сойдя внизъ, смиренно возложилъ на алтарь св. Петра. Петрарка былъ первымъ, надъ кѣмъ былъ возобновленъ этотъ древній обычай поэтическаго увѣнчиванія въ Капитоліи, хотя въ другихъ городахъ такіа увѣнчиванія уже имѣли мѣсто, такъ напр., въ Падуѣ былъ увѣнчанъ Муссато.

Вернувшись изъ Рима, Петрарка отправился въ Парму; какъ разъ въ это время Аццо да Корреджіо, съ которымъ онъ вступилъ въ дружескія отношенія уже въ 1335 г. во время своего пребыванія въ Авиньонѣ, удалось исторгнуть изъ рукъ Скалиджіери синьорію этого города, и вмѣстѣ съ побѣдителями въ его ворота вошелъ поэтъ, 23 мая 1341 г. Занятіе Пармы онъ воспѣлъ въ одной изъ канцонъ, какъ дѣяніе героическаго освобожденія; канцону эту однако онъ впоследствии не включилъ въ собраніе своихъ стихотвореній, потому-ли что она неудовлетворяла его въ художественномъ смыслѣ, будучи дѣйствительно лишена поэтическихъ красотъ, или потому что независимость города была весьма эфемерной и въ 1345 г. уже кончилась. Парма ему настолько понравилась, что онъ купилъ себѣ тамъ домикъ и отдѣлалъ его. Гуляя въ лѣсу Сельваціана, расположенномъ между Реджіо и Пармой, въ виду торжественныхъ картинъ природы, онъ вновь почувствовалъ вдохновеніе, которое ему давалъ Воклюзь, и поэтому могъ въ самое короткое время довести до конца свой латинскій эпосъ. Черезъ годъ, весной 1342 г. онъ отправился опять во Францію; но въ концѣ 1343 г. папа Климентъ VI послалъ его въ Римъ, чтобы ввиду послѣдовавшей тогда смерти короля Роберта защищать верховныя права папскаго престола надъ короной Неаполя, и возвратитъ свободу нѣкоторымъ благороднымъ узникамъ, судьбой которыхъ живо интересовалась фамилія Колонна; послѣ того какъ

Петрарка исполнилъ это порученіе, правда съ малымъ успѣхомъ, онъ вновь возвратился въ Парму. Слѣдующіе десять лѣтъ онъ попеременно жилъ то во Франціи, то въ Верхней Италиі. Будучи рожденъ въ изгнаніи, Петрарка уже мальчикомъ и юношей много путешествовалъ, на всю жизнь остался чуждъ осѣдлости и до самой глубокой старости не избралъ себѣ прочнаго мѣстожителства. Но послѣ смерти кардинала Колонна ничто болѣе не удерживало его въ Авиньонѣ; папскій городъ дѣлался ему все болѣе и болѣе ненавистнымъ и въ 1353 году онъ его покинулъ, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ Верхней Италиі, сперва въ Миланѣ, потомъ въ Венеціи и въ Падуѣ.

Во время своего перваго пребыванія въ Неаполѣ, когда онъ подвергался испытанію со стороны короля Роберта, Петрарка показывалъ этому послѣднему и свою «Африку», насколько она тогда была закончена; произведеніе это такъ понравилось королю, что онъ просилъ поэта посвятить эпосъ ему, что тотъ и сдѣлалъ по его окончаніи, когда его покровителя уже не было въ живыхъ. Какое это характерное зрѣлище: король дружески принимаетъ поэта, подвергаетъ его испытанію, желая его почтить, одѣваетъ его въ собственное платье и проситъ его посвятить ему одно изъ его произведеній. Подобно этому неаполитанскому королю, въ то время всѣ вообще правители Италиі любили и поощряли изящныя искусства. Всѣ эти мелкія владѣтельныя особы, которыя теперь, въ особенности на сѣверѣ полуострова, управляли городами бывшими когда-то вольными, и предки которыхъ забавлялись шутками жонглеровъ и фокусниковъ, начали теперь, когда пробудился вкусъ къ изящному и интересъ къ классической древности, соперничать между собою въ покровительствѣ поэтѣмъ и ученымъ, способнымъ сообщить ихъ дворамъ новый блескъ. Данте долженъ былъ скитаться и принимать почти, какъ милостыню, въ чемъ нуждался; съ Петраркой напротивъ великіе міра сего обращались, какъ съ равнымъ, они спорили изъ-за него между собой, засыпали его почестями и подарками, воздавали его заслугамъ самыя лестныя похвалы. Правитель Падуи Якопо да Каррара не переставалъ приглашать его къ себѣ письмами и черезъ вѣстниковъ, направлявшихъ и по ту и по эту сторону Альпъ, пока наконецъ поэтъ не появился въ его городъ въ мартѣ 1349 года, и для того, чтобы привязать его къ этому послѣднему, онъ повелѣлъ передать ему тамъ каноникатъ. Къ нему благоволили также папы Бенедиктъ XII и Климентъ VI, они передали ему каноникатъ въ Ломбецѣ, пріоратъ въ пизанской епархіи, пребенду и позднѣе архидіаконатъ въ Пармѣ. Папѣ Клименту хотѣлось также передать ему видную и весьма доходную должность папскаго секретаря, отъ которой Петрарка однако отказался, чтобы сохранить свою независимость; онъ отказывался отъ этой должности и позднѣе,

когда она ему вновь бывала предлагаема при послѣдующихъ папахъ. Его упорный отказъ принять на себя должность, связанную съ обязанностью духовнаго попеченія, былъ единственной причиной того, что онъ никогда не достигъ высокаго положенія въ іерархіи. Урбанъ V и Григорій XI писали ему благожелательныя письма; супруга Карла IV, императрица Анна, извѣстила его даже о рожденіи своей дочери (1358 г.). Джіованни Висконти, архіепископъ и правитель Милана, почти силой удержалъ его при своемъ дворѣ, когда въ 1353 г. онъ проѣзжалъ черезъ городъ: его преемникъ Галеаццо заставилъ его (1355 г.) быть восприемникомъ своего сына Марко при его крещеніи; въ 1368 году во время свадьбы дочери Галеаццо, Віоланте, съ сыномъ короля англійскаго, поэтъ пировалъ за однимъ столомъ съ властителями, и въ Венеціи въ 1364 году онъ сидѣлъ по правую руку дожа Лоренцо Чельзо во время торжественныхъ публичныхъ игръ въ честь покоренія Кандіи. Наравнѣ съ князьями почитали Петrarку и коммуны. Въ Ареццо на домъ, въ которомъ онъ родился, смотрѣли, какъ на священное мѣсто; администрація запретила домовладѣльцу что-либо измѣнять въ этомъ зданіи, и уже въ 1350 г. его показывали какъ достопримѣчательность города (Sen. III, 3). Жители Флоренціи возвратили ему имѣніе его отца, конфискованное при изгнаніи, и въ 1351 году послали къ нему въ Падую Джіованни Баккаччіо, чтобы просить возвратиться во Флоренцію, въ его истинно родной городъ, такого человѣка, такого мужа, который, какъ говорили они, является единственнымъ въ мірѣ, *qualem non prima a saeculis vidit aetas, nec sibi surgentem alium promittit futura posteritas*; они просили его, чтобъ онъ прибылъ почтить ихъ недавно основанный университетъ, который, будучи украшенъ такимъ именемъ, вскорѣ долженъ былъ процвѣсти, и чтобы онъ выбралъ для своихъ лекцій предметъ вполне зависящій отъ его собственнаго усмотрѣнія. Впрочемъ Петrarка не послѣдовалъ этому приглашенію, и флорентинцы вновь удержали у себя возвращенное имущество, благодаря чему отношеніе поэта къ родному городу всегда было сухимъ.

Петrarка часто стремился пользоваться своимъ высокимъ положеніемъ въ смыслѣ вліянія на общественныя дѣла, въ смыслѣ реализаціи своихъ патріотическихъ сновъ. Однако цѣли, которыми онъ задавался, находились въ противорѣчій съ реальной жизнью, и собственный его темпераментъ былъ слишкомъ мало предназначенъ для практическихъ задачъ, чтобы онъ могъ разрѣшать ихъ успѣшно. Его политическая дѣятельность въ цѣломъ была бесплодной, но она представляетъ изъ себя интересъ, какъ матеріалъ для его характеристики.

Однимъ изъ самыхъ горячихъ его желаній было возвращеніе папской резиденціи въ Римъ, онъ ожидалъ отъ этого улучшенія въ положеніи вѣчнаго города и въ положеніи Италіи. Поэтому, когда послѣ

избранія Бенедикта XII въ Авиньонъ прибыло къ папѣ посольство отъ римлянъ, именно съ такой просьбой, въ подкрѣпленіе ея онъ написалъ два латинскихъ письма въ стихахъ (Epist. Poet. I, 2, 5; 1335 и 1336); въ первомъ изъ этихъ писемъ Рома, въ общепотребительномъ тогда образѣ почтенной, но согбенной подъ бременемъ бѣдствій матроны, умоляетъ своего супруга папу вернуться къ ней и возвратить ей прежнюю славу и величіе, напоминаетъ ему о прежнемъ своемъ положеніи, когда она трижды побѣдила Карфагенъ, когда она сломила гордость Пирра, Антиоха и Югурты, когда она владычествовала надъ миромъ и ей повиновались народы отъ Инда до Британіи, она указываетъ на горестныя злополучія, теперь ее преслѣдующія, говоритъ, что ее разрываютъ внутренніе раздоры, что ее, утѣсняемую тиранническимъ дворянствомъ, покинули тѣ, которые должны были ее защищать. Но посольство отъ римлянъ и письма Петрарки не сопровождались никакимъ результатомъ, и немногимъ плодотворнѣе были усилія въ 1342 году, когда онъ послалъ письмо къ Клименту VI съ тѣми же самыми увѣщаніями и въ той же самой формѣ (II, 5); папа удовлетворилъ только другому желанію римлянъ, именно, чтобы празднованье церковнаго юбилея совершалось не въ каждый сотый, а въ каждый пятидесятый годъ, и, какъ уже было упомянуто, наградилъ поэта пребендой Санъ Никкола ди Милъиарино близи Пизы.

Черезъ пять лѣтъ въ 1347 году совершилось событіе, которое возбудило въ Петраркѣ самое пламенное одушевленіе и самыя превеличныя надежды, чтобы также быстро ихъ уничтожить, именно движеніе Кола ди Ріэнцо въ Римѣ. Кола ди Ріэнцо человекъ изъ народа, какъ говорятъ, сынъ прачки и содержателя таверны, воспламенилъ свою фантазію чтеніемъ классическихъ авторовъ и увѣровалъ въ свою способность возвратить вѣчному городу времена свободы и славы; онъ хотѣлъ возстановить *buono stato*, какъ онъ это называлъ, т. е. нѣчто вродѣ римской республики съ древними учрежденіями и магистратами. Среди народа, который усталъ отъ притѣсненій дворянства, онъ нашелъ много сочувствующихъ, провозгласилъ себя трибуномъ, возбудилъ самое жестокое преслѣдованіе противъ дворянскихъ фамилій и призывалъ къ суду короля Людовика Баварскаго и его соперника Карла IV, чтобы обсудить ихъ притязанія. Петрарка немедленно воспламенился этой блестящей идеей возрожденія республики; онъ посылалъ трибуну письма въ стихахъ и въ прозѣ, высказывая ему одобреніе, поддерживая его въ его замыслахъ, и пошелъ такъ далеко, что не задумался поколебать узы долголѣтней дружбы, связывавшей его съ фамиліей Колонна. Въ пятой эклогѣ, которая адресована къ трибуну и которую онъ самъ объясняетъ ему въ письмѣ (Var. 42), разговариваютъ между собою два пастуха Марцій и Апицій, какъ бы имъ помочь старухѣ матери, на-

ходящейся въ бѣдѣ, и, истративъ много словъ, не доходятъ до дѣла; тогда появляется новый пастухъ Фестинъ, возвѣщающій, что въ это время третій и младшій братъ уже взялъ на себя все дѣло и счастливо выполнилъ его, возвратилъ миръ лѣсамъ и вернулъ матери богатство и благополучіе. Два старшіе брата обозначаютъ двѣ вліятельнѣйшія фамиліи Рима, Колонна и Орсини, младшій — Кола ди Ріэнцо, мать—Римъ; мать говоритъ относительно Марція и Апиція, что они подкидыши, намекая на приписываемое обѣимъ фамиліямъ иноземное происхожденіе, Орсини изъ долины Сполето, Колонна съ береговъ Рейна; съ представителями послѣдней фамиліи, однако, авторъ обходится здѣсь мягче; Марцій, ее олицетворяющій, выказываетъ по отношенію къ матери гораздо больше любви, нежели его братъ. Зато совершенно безопаднымъ по отношенію къ обѣимъ фамиліямъ является Петрарка въ длинномъ письмѣ къ трибуну и къ римскому народу, озаглавленномъ Hortatoria (Var. 48). Не слѣдуетъ терпѣть, говорится тамъ, чтобы Римъ, властитель міра, подчинился этимъ чужеземнымъ разбойникамъ, которые быть можетъ впервые вошли сюда со связанными руками, слѣдуя за колесницей римскаго триумфатора, и только въ этомъ городѣ достигли положенія князей и господъ. Трибуна онъ называетъ новымъ Брутомъ, ниспосланнымъ отъ Бога, чтобы изгнать тирановъ, какъ это сдѣлалъ старшій Брутъ; однако, еще недовольный этимъ, онъ продолжаетъ: «Ромулъ основалъ городъ, Брутъ создалъ свободу, Камиллъ возстановилъ и то и другое. Но Ромулъ окружилъ ничтожный городъ слабой стѣной, ты укрѣпилъ могущественными стѣнами самый великій городъ изъ всѣхъ, которые существуютъ или существовали; Брутъ спасъ подавленную свободу отъ одного пораженія, ты—отъ многихъ; Камиллъ возсоздалъ городъ изъ свѣжихъ, еще дымящихся развалинъ, ты поднялъ его отъ паденія давнишняго и уже не возбуждавшаго надеждъ. Слава тебѣ, о, нашъ Камиллъ, нашъ Брутъ, нашъ Ромулъ, или носитель другого имени, какое ты самъ пожелаешь, зиждитель римской свободы, римскаго міра, римскаго спокойствія. Настоящее поколѣніе обязано тебѣ тѣмъ, что оно умретъ свободнымъ, а будущее тѣмъ, что оно свободнымъ родится». Во славу его и во славу его народа, онъ хочетъ написать поэму и навремя даже оставляетъ свою «Африку», еще нуждающуюся въ поправкахъ.

Петрарка не могъ удовольствоваться своими письмами и стихами; онъ хотѣлъ самъ отправиться въ Римъ и съ этой цѣлью въ 1347 году покинулъ Авиньонъ (Fam. VI. 7). Во время своего вѣнчанія, онъ былъ одновременно сдѣланъ гражданиномъ вѣчнаго города, и въ этомъ смыслѣ пожелалъ исполнять свои обязанности. Но едва онъ отправился въ дорогу, какъ получилъ извѣстіе о дурномъ оборотѣ, которое приняли дѣла по винѣ трибуна. Кола, виновникъ такихъ большихъ ожиданій, былъ самъ скорѣй идеалистическій ученый, нежели государственный

человѣкъ; его власть, чудеснымъ образомъ возникшая и возросшая, такъ же быстро разрушилась, и, будучи покинутъ толпой, дурныя страсти которой онъ затрогивалъ слишкомъ рискованно, онъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Петрарка перемѣнилъ направленіе своего путешествія и отправился въ Парму; извѣстную симпатію по отношенію къ трибуну онъ однако сохранялъ и потомъ, и когда тотъ въ 1352 году прибылъ, въ качествѣ плѣнника, въ Авиньонъ, поэтъ, не рѣшаясь, правда, защищать его открыто, всетаки написалъ, безъ обозначенія своего имени, письмо, гдѣ убѣждалъ римскій народъ взять на себя судъ надъ своимъ же гражданиномъ и недопускать, чтобы тотъ, кто повелѣвалъ нѣкогда въ Капитоліи, томился теперь въ чужестранной тюрьмѣ.

Когда такимъ образомъ надежды на восстановленіе римской свободы исчезли, ожиданія Петрарки обратились въ другую сторону; если не было возможно возрожденіе римской республики, болѣе возможнымъ было восстановленіе римской монархіи, которая, не равняясь съ ней въ добродѣтели и свободѣ, все же достаточно была богата властью, блескомъ, и нѣкоторыя остатки которой еще продолжали существовать въ римской имперіи нѣмецкой націи. Перемѣна въ идеяхъ Петрарки была при этомъ не такъ велика, какъ это представляется теперь, противорѣчіе между римской республикой и римской имперіей было по понятіямъ того времени незначительнымъ. Имперія являлась собственно продолженіемъ и конечнымъ пунктомъ республики; мы ясно это видимъ изъ движенія Арнольда Брешианскаго, гдѣ республика сама хотѣла императора, и Петрарка также помышлялъ о томъ, что императоръ долженъ имѣть свой тронъ въ Римѣ и оттуда, какъ прежде, править всѣмъ міромъ. Съ этого времени онъ, такъ же какъ Данте, страстно желалъ, чтобы императоръ совершилъ римскій походъ. 24-го февраля 1351 года онъ пишетъ письмо къ Карлу IV (Fam. X, 1), убѣждаетъ его не медлить болѣе, отложить въ сторону все другое, прибыть въ Италію, въ главный пунктъ его имперіи и устранить ея злополучіе. Вѣдь онъ не чужеземецъ въ той странѣ, гдѣ былъ еще ребенкомъ; на него смотрятъ, какъ на итальянца, и благодаря особой милости Божіей Римъ послѣ многихъ столѣтій снова получаетъ мѣстнаго Владыку, настоящаго Августа. И какъ вездѣ, здѣсь также выступаетъ аллегорическая фигура Рима, высокая, сѣдовласая жена, въ растерзанной одеждѣ, съ лицомъ поблѣднѣвшимъ отъ нужды и лишеной, но съ духомъ непреклоннымъ, помнящимъ о прежнемъ величій, и эта Рома говоритъ императору о Камиллѣ и Куріи, о Цинцинатѣ, Фабриціи и Сципіонѣ.

За этимъ первымъ письмомъ послѣдовали два другія, и наконецъ въ 1354 году Карлъ IV дѣйствительно прибылъ въ Италію; поэтъ торжествовалъ; онъ полагалъ, что благодаря своимъ увѣщаніямъ, онъ былъ до извѣстной степени виновникомъ такого рѣшенія. Изъ Ми-

лана, гдѣ онъ тогда жилъ, онъ отправился, послѣ настойчивыхъ просьбъ короля, къ этому послѣднему въ Мантую; принять онъ былъ весьма дружелюбно; Карлъ находилъ такое удовольствіе въ ученыхъ бесѣдахъ съ знаменитымъ человѣкомъ, что иногда оставался съ нимъ наединѣ отъ начала вечера до глубокой ночи. Императоръ просилъ поэта, чтобы тотъ посвятилъ ему одно изъ своихъ произведеній, всего лучше—еще неконченную книгу *De viris illustribus*, и Петраркъ общалъ, но только въ томъ случаѣ, если самъ императоръ своими дѣяніями сдѣлается достойнымъ тѣхъ мужей, о которыхъ въ книгѣ идетъ рѣчь; онъ подарилъ Карлу нѣсколько монетъ съ изображеніемъ головъ римскихъ императоровъ, рассказалъ ему вкратцѣ ихъ жизнь и ставилъ ихъ ему въ примѣръ. Съ очевиднымъ и весьма извинительнымъ чувствомъ удовлетворенія поэтъ описываетъ это посѣщеніе въ письмѣ къ своему другу Лелію (*Fam. IX, 3*). Ни одному изъ итальянцевъ не выпала на долю такая честь, какъ ему: *Profecto autem in hoc genere nulli italo plus tributum scio: vocari et rogari a Caesare, iocari et disputare cum Caesare*. Однако Карлъ IV весьма неточно слѣдовалъ порученіямъ Петрарки; онъ заключалъ договоры съ городами за большія суммы денегъ, былъ коронованъ въ Римѣ папскимъ легатомъ, затѣмъ вернулся и, утраченный оппозиціей, которая начала образовываться противъ него, поспѣшно отправился въ Германію, «съ короной полученной безъ особенныхъ заслугъ и съ кошелькомъ, сперва пустымъ, потомъ наполненнымъ деньгами», какъ замѣтилъ Маттео Виллани. Когда Петрарка увидалъ свое разочарованіе, онъ осыпалъ императора горькими упреками, за то, что тотъ больше думаетъ о своей ничтожной Богеміи, нежели о Римскомъ государствѣ; письмо, которое онъ ему послалъ послѣдъ (*Fam. IX, 11*), исполнено достопримѣчательной свободы выражений; высказавъ похвалы предкамъ Карла, онъ прибавляетъ: *Sed non est hereditarium bonum virtus; quamvis ego tibi nec imperandi scientiam deesse crediderim nec bellandi, fons actionum omnium voluntas deest*. Карлъ принялъ эти слова безъ оскорбленія. Годъ спустя (въ маѣ 1356 года) Висконти послали поэта въ Прагу; онъ долженъ былъ расположить въ ихъ пользу императора, которому они создали столько препятствій въ Римѣ и который могъ быть теперь для нихъ опасенъ. Цѣль путешествія не осуществилась; Карлъ въ то самое время, когда Петрарка былъ при его дворѣ, уже началъ тайно помогать врагамъ Висконти; вмѣсто политическаго успѣха поэтъ снискалъ почести и отличія; по возвращеніи онъ былъ наименованъ *Comes Palatinus*, позднѣе въ видѣ подарка получилъ золотую чашу. Императоръ старался убѣдить поэта остаться при его дворѣ навсегда; но онъ, уже отвергнувъ подобныя предложенія со стороны короля французскаго Іоанна, не хотѣлъ разлучаться съ Италіей (*Fam. XXIII, 2*); онъ не могъ даже совершить краткаго посѣщенія, о которомъ Карлъ просилъ все настоя-

чивѣ; потому что когда въ 1362 году онъ предпринялъ путешествіе, дорога въ Германію была заграждена, благодаря войнѣ.

Онъ вновь увѣщаль императора предпринять римскій походъ, вѣроятно въ 1363 году (Fam. XXIII. 21). Но Карль IV, бывшій, какъ извѣстно, политикомъ осторожнымъ и разсудительнымъ, видѣлъ, что дома его ожидаютъ гораздо болѣе важныя задачи; поэтическія идеи о прежней славѣ, приведшія къ гибели столькихъ его предшественниковъ, отнюдь его не соблазняли; времена Барбароссы или Генриха VII прошли, и когда въ 1368 году Карль IV дѣйствительно показался въ Итали, онъ имѣлъ совсѣмъ инныя намѣренія, нежели реализованіе гибеллинскаго идеала; послѣ того какъ императрица была коронована въ Римѣ и послѣ того какъ онъ вынудилъ новыя денежныя суммы отъ коммунъ, онъ возвратился домой, и оставилъ страну въ худшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что Петрарка въ своихъ сочиненіяхъ рѣшительно ничего не говоритъ о данномъ походѣ.

Отсутствіе императора и папы, мірскаго и духовнаго свѣта, было по мнѣнію Петрарки виной бѣдственнаго положенія Итали, но не въ меньшей степени ея злополучія обусловливались третьимъ обстоятельствомъ, постоянными внутренними раздорами. Здѣсь онъ также старался посредствомъ своего слова доставить помощь. Генуя и Венеція издавна вели непрерывную войну между собою, и такимъ образомъ два эти цвѣтушія государства, вмѣсто того чтобы быть источникомъ могущества, являлись причиной ослабленія болѣе великаго отечества, въ особенности въ виду того, что обѣ стороны для уничтоженія соперника завязывали сношенія съ чужеземными силами; съ варварскими королями, какъ говорилъ Петрарка. Но зло врядъ ли было устранимо, ибо коренилось въ скрещивающихся интересахъ обѣихъ морскихъ республикъ, въ ихъ соперничествѣ относительно владычества надъ Средиземнымъ моремъ и надъ торговыми путями къ Востоку; въ силу этого борьба, едва успокоившись, возгоралась съизнова и могла кончиться только съ пораженіемъ одной изъ сторонъ. Петрарка считавшійся только съ идеальными фактами не хотѣлъ видѣть этой необходимости. Онъ писалъ, умоляя о мирѣ и согласіи, сперва къ венеціанскому дожу Андреа Дандоло въ 1351 году (Fam. XI, 8), потомъ, когда генуэзцы одержали побѣду въ 1352 году, онъ въ томъ же смыслѣ писалъ къ дожу и къ Совѣту Генуи (Fam. XII, 5); онъ представлялъ имъ, насколько было бы прекраснѣе, если бы они вмѣстѣ обратились къ покоренію невѣрныхъ. Тщетно; красиво написанными письмами, исполненными благихъ поученій и классическихъ примѣровъ, нельзя помѣшать никакимъ войнамъ, нельзя распутать никакія политическія судьбы. Когда послѣ этого счастье опять перешло на сторону Венеціи, и Генуя увидала себя угрожаемой настолько, что отчаялась въ возможности сохранить свою независимость и покори-

лась поэтому архіепископу Джіованни Висконти, этотъ послѣдній возложилъ на Петрарку весьма желанное для него порученіе, именно, послать его въ Венецію съ мирными предложеніями. Краткая латинская рѣчь, которую онъ держалъ здѣсь 8-го ноября 1353 года, снискала большое одобреніе и не имѣла рѣшительно никакого практическаго успѣха, и на новыя увѣщанія, съ которыми онъ черезъ полгода обратился къ дожу Даноло (Fam. XVIII, 16), дожъ отвѣтилъ ему, что венеціанцы склонны къ миру, но къ миру справедливому, и что они лучше пожертвуютъ состояніемъ и жизнью, нежели позволятъ повредить хотя сколько нибудь славы и чести отечества. Вся несправедливость на сторонѣ генуэзцевъ; Петрарка долженъ былъ бы обратиться къ нимъ съ своимъ письмомъ; впрочемъ, онъ совершилъ погрѣшность въ этомъ послѣднемъ, когда утверждаетъ, что венеціанцы потеряли сраженіе на Геллеспонтѣ, ибо оно было скорѣе въ предѣлахъ того моря, которое древніе называли Пропонтидой; однако это извинительно, вѣдь и мудрѣйшіе могутъ ошибаться. Несмотря на то, что его увѣщанія приняли ложное направленіе, ибо венеціанская республика ни въ чемъ не виновата, тѣмъ не менѣе онъ испыталъ отъ этого письма большое удовольствіе и оно дѣйствительно очень хорошо; но какъ сильно должны были бы эти слова, оказавшія впечатлѣніе уже на него, подѣйствовать на враговъ, которые прекрасно сознаютъ свою несправедливость! Въ концѣ дожъ проситъ Петрарку въ другой разъ лучше написать что нибудь по дѣламъ личнымъ, касательно чего обѣщалъ доставить ему необходимыя средства, т. е. онъ указывалъ на его неустойчивую жизнь. Это ироническое письмо было получено Петраркой векорѣ послѣ смерти дожа, послѣдовавшей, когда венеціанцы, будучи разбиты генуэзцами при Порто Лунго, дѣйствительно должны были подчиниться миру, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ начать новую борьбу.

Какъ мы можемъ видѣть, Петрарка былъ весьма щедръ на свои совѣты, проистекавшіе, конечно, изъ самыхъ хорошихъ, самыхъ благородныхъ намѣреній, и правители принимали ихъ дружески и почти-тельно, но поступали потомъ согласно своимъ собственнымъ планамъ; они смотрѣли на его упреки, какъ на литературныя произведенія, они хвалили ихъ и восхищались ими именно съ этой точки зрѣнія, надѣляли поэта титулами, отличіями, подарками, въ то время какъ практическое дѣйствіе, котораго онъ ожидалъ отъ своихъ усилій, постоянно отсутствовало. Петрарка не былъ предназначенъ оказывать вліяніе на политическія судьбы; это былъ не человекъ дѣла, а поэтъ и ученый; его дѣяніями были изящныя письма, искусно сочиненныя рѣчи, латинскія и итальянскія стихотворенія. Это знали и лица, возлагавшія на него порученія, Висконти,—и функціи, которыя ему передавались, какъ напр. посланничество въ Венецію, были скорѣе формальными; его авторитетъ, какъ авторитетъ такого знаменитаго

человѣка, долженъ былъ служить опорой, придавать посланничеству значеніе и болѣе высокое достоинство; но собственно государственное дѣло находилось въ другихъ рукахъ. Петрарка самъ хорошо зналъ, что онъ не рожденъ для практической дѣятельности, но только, будучи исполненъ идей классическихъ авторовъ, онъ придавалъ краснорѣчію и моральнымъ идеямъ гораздо большее значеніе, чѣмъ то, какимъ они пользуются въ дѣйствительности. Впрочемъ онъ избѣгалъ публичности; шумная жизнь большого свѣта, въ особенности же пребываніе въ городахъ—претили ему; гдѣ онъ чувствовалъ себя хорошо, это въ уединеніи, въ сельской обстановкѣ, какъ на примѣръ въ Воклюзѣ, въ освѣжительной тишинѣ природы и своей рабочей комнаты, среди книгъ, своихъ дорогихъ сотоварищей, съ которыми онъ не различался ни днемъ ни ночью: *Ut enim re intellitgo*, говорилъ онъ о себѣ однажды (Fam. XXII, 12), *nihil melior oeconomicus quam politicus sum; omnia haec unius solitudinis ac litterarum amor abstulit*. Во время восьмилѣтняго пребыванія Петрарки въ Миланѣ (1353—1361), Висконти старались доставить ему эту тишину и въ предѣлахъ города; поэтъ получилъ домъ въ части города тогда совершенно уединенной, рядомъ съ старой церковью С. Амброджіо; лѣтомъ, кромѣ того, онъ удалялся по большей части за городъ, въ Гарильяно, въ Санъ Симплиціано или въ Виллу, которую онъ назвалъ Линтерно, какъ называлась вилла Сципіона Африканскаго. Но отношенія къ правителямъ налажили на него извѣстныя обязанности; хотя бы изрѣдка, все же онъ долженъ былъ время отъ времени являться ко двору; ему давались различныя порученія, которыя онъ принималъ на себя не всегда такъ охотно, какъ посланничество въ Венецію; какъ мы уже видѣли, Висконти посылали его также въ Богемію (1356): въ 1354 году, когда архіепископъ Джіованни внезапно умеръ, онъ говорилъ публично похвальную рѣчь на латинскомъ языкѣ, посвященную его памяти. Въ 1358 году, когда Галеаццо Висконти получилъ утраченную Новару, благодаря договору съ маркграфомъ монферратскимъ, Петрарка отъ имени князя говорилъ рѣчь гражданамъ города. Въ 1360 году онъ былъ посланъ въ Парижъ поздравить короля Іоанна, когда тотъ, благодаря миру въ Бретиньи, былъ освобожденъ изъ англійскаго плѣна. Эти помѣхи были для него весьма нехотаты, и иногда онъ тосковалъ о своей тихой жизни въ Воклюзѣ. Наконецъ въ 1361 году чума, снова начавшая свирѣпствовать, побудила его покинуть Миланъ и отправиться въ Падую, а черезъ годъ послѣ этого онъ переселился въ Венецію; въ видѣ вознагражденія за пожертвованіе въ завѣщаніи его библіотеки, республика дала ему для мѣстожительства обширное палаццо на Riva degli Schiavoni. Дружескія узы съ Висконти не были однако порваны; лѣто онъ по обыкновенію проводилъ у Галеаццо въ Павіи. Въ 1368 году онъ опять покинулъ Венецію и прожилъ свои послѣдніе годы попеременно то въ Падуѣ, гдѣ у него была самая значительная изъ его пребендъ, то

въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Аркѣ, расположенномъ между Эвганейскими холмами, гдѣ онъ выстроилъ себѣ другой домикъ. Съ нѣкотораго времени онъ жилъ вмѣстѣ съ своей побочной дочерью Франческой и ея мужемъ, превосходнымъ человѣкомъ, Франческо да Броссано; такимъ образомъ старость его была нѣсколько скрашена той семейной жизнью, благословенія которой онъ всегда совершенно отрицалъ и неразъ осмѣялъ въ своихъ произведеніяхъ. Здѣсь, въ сельской тишинѣ Арквы, будучи погруженъ до послѣднихъ мгновеній въ свои излюбленныя занятія, онъ умеръ 18-го іюля 1374 года.

Какъ ученый, Петрарка оказалъ большія заслуги: онъ далъ научнымъ занятіямъ новое направленіе и такимъ образомъ былъ основателемъ современнаго классическаго образованія. Уже будучи юношей, когда онъ долженъ былъ заниматься юриспруденціей, онъ возгорѣлся страстной любовью къ древнимъ писателямъ и въ послѣдствіи всецѣло посвятилъ себя изученію ихъ произведеній. Онъ испытывалъ ненасытимую жадность къ книгамъ, и для того чтобы доставать ихъ въ то время когда онъ были такъ рѣдки, не щадилъ никакихъ усилій. Во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ искалъ манускрипты позабытыхъ авторовъ; онъ писалъ Джіованни д'Анчиза, пріору святаго Марка во Флоренціи (Fam. III, 18), прося его заставить отыскивать такія сокровища въ монастыряхъ Тосканы, а также у ученыхъ этого города; съ подобными же просьбами онъ обращался къ своимъ друзьямъ въ Англію, во Францію и въ Испанію. Во время пребыванія въ Авиньонѣ онъ познакомился со многими иностранцами, и каждый разъ, когда они при отъѣздѣ предлагали ему свои услуги, онъ всегда просилъ объ одномъ — чтобы они прислали ему сочиненія Цицерона, давалъ имъ письменныя указанія относительно сочиненій, которыя онъ искалъ, письменно возобновлялъ свои просьбы (Sen. XVI, 1). Онъ самъ въ дѣйствительности сдѣлалъ нѣсколько открытій; во время своего большаго путешествія въ 1333 году онъ нашелъ въ Люттихѣ двѣ рѣчи Цицерона, въ Веронѣ въ 1345 году онъ нашелъ большой манускриптъ писемъ того же самаго писателя, и когда въ 1350 году, отправляясь на юбилей въ Римъ, онъ проѣзжалъ въ своей родной городъ Флоренцію, его другъ Лапо дель Кастильонкіо подарилъ ему бывшія до того времени въ неизвѣстности «Институціи» Квинтиліана, правда, въ испорченномъ экземплярѣ. Когда онъ не могъ найти подходящаго переписчика, онъ переписывалъ манускрипты собственноручно.

Изъ всѣхъ древнихъ писателей онъ наиболѣе преклонялся передъ Цицерономъ; ему онъ подражалъ въ своей прозѣ, въ то время какъ Virgilій былъ для него превосходнѣйшимъ образцомъ поэтическаго языка; Петрарка говорилъ (Fam. XXII, 10), что онъ обоихъ любитъ на столько, какъ будто первый былъ его отцомъ, а второй братомъ. Въ своей жаднѣ знанія онъ хотѣлъ изучить и греческій языкъ; но

это ему не удалось; его учитель, калабрійскій монах Барлаамъ, съ которымъ онъ уже въ Авиньонѣ началъ читать Платона (de Cont. Mund. II, p. 390), вскорѣ покинулъ его, какъ только сдѣлался, благодаря его собственному ходатайству, епископомъ въ Жерасѣ. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ покинуть эту отрасль знанія, и когда въ 1353 году грекъ Николай Сигеросъ послалъ ему рукопись Гомера, онъ, конечно, былъ очень радъ включить ее въ свою библіотеку, гдѣ уже былъ божественный Платонъ, но читать ее онъ не могъ; только иногда со вздохомъ онъ обнималъ ее, услаждался ее видомъ (Fam. XVIII, 2). Другой калабріецъ Леонтій Пилать, которому Боккаччіо доставилъ профессуру во Флоренціи, равнымъ образомъ пробылъ лишь короткое время около Петрарки, въ Венеціи (1363); однако онъ сдѣлалъ на счетъ поэта первый латинскій переводъ Гомера, который до того времени былъ извѣстенъ на западѣ только въ жалкихъ выдержкахъ. Но Петрарка былъ тогда уже старъ, и такимъ образомъ греческіе авторы не оказали въ сущности никакого вліянія на его духовное развитіе. Зная ихъ только по отзывамъ другихъ, онъ рѣшительно предпочиталъ латинскихъ писателей, и въ этомъ извѣстную роль игралъ его патриотизмъ, мѣшавшій ему повѣрить, чтобы какіе нибудь чужеземцы могли въ своихъ произведеніяхъ превзойти сыновей Рима.

Петрарка питалъ по отношенію къ классической древности не только преклоненіе, но и настоящую страсть. Онъ скорбѣлъ о жалкой эпохѣ, въ которую ему суждено было жить, ему лучше бы хотѣлось существовать въ тѣ славныя для римлянъ времена, и пока онъ читалъ произведенія древнихъ, онъ мысленно соприкасался съ этими великими людьми, ему казалось, что онъ входитъ съ ними въ личныя сношенія. Онъ писалъ письма къ Цицерону, Сенецѣ, Варрону, Ливію, Виргилію, Горацию, Азинію Полліону, Квинтиліану и Гомеру, какъ къ лучшимъ и самымъ возлюбленнымъ друзьямъ, которыхъ, благодаря усердному изученію, онъ зналъ болѣе, нежели своихъ современниковъ; онъ удостоиваетъ ихъ въ почтительной любви и преклоненіи, но не боится высказывать о нихъ и болѣе свободное сужденіе, и, какъ искренній другъ, упрекаетъ Цицерона и Сенеку за то, что они, будучи великими писателями, не были такими же великими людьми. Настоящимъ своимъ друзьямъ онъ любилъ давать классическія наименованія; одного нѣмца, Людовика изъ Кемпена, съ которымъ онъ познакомился въ 1330 году въ Ломбецѣ у епископа Якобо Колонна и котораго въ особенности нѣжно любилъ, онъ называлъ своимъ Сократомъ, Майнардо Аккурсіо изъ Флоренціи — Олимпомъ, Франческо Нелли, съ которымъ позднѣе онъ много переписывался, — своимъ Симиономъ; для другого, римлянина Лелло ди Піетро Стефано, понадобилось лишь самое незначительное измѣненіе его настоящаго имени, чтобы получился Лелій. При каждомъ удобномъ случаѣ Петрарка цитируетъ классическихъ писателей, говоритъ ихъ словами, ищетъ у нихъ при-

мѣровъ, ученій и сентенцій, съ которыми сопоставляетъ различныя явленія современности.

Петрарка чувствуетъ самого себя римляниномъ, потомкомъ согражданъ Цезаря и Цицерона; римская исторія была для него исторіей его отечества, и это чувство было общимъ у всѣхъ итальянцевъ того времени. Когда поэтому Петрарка захотѣлъ создать великую поэму, національный эпосъ, было вполнѣ естественно, что онъ воспользовался латинскимъ языкомъ, какъ истымъ литературнымъ языкомъ итальянцевъ и что сюжетъ онъ взялъ изъ классической древности, являвшейся въ его глазахъ героической эпохой его собственной націи. Такимъ образомъ свою поэму «Africa», какъ мы уже видѣли, онъ началъ во время своего перваго пребыванія въ Воклюзѣ (между 1338 годомъ и 1340 г.) и потомъ съ удивительной быстротой довелъ до конца въ Пармѣ (1341—1342): только окончаніе, вмѣстѣ съ сѣтованьемъ по поводу смерти короля Роберта, прибавлено въ 1343 году. «Africa» обнимаетъ собою, въ томъ видѣ какъ мы ее имѣемъ теперь, девять книгъ; но въ концѣ четвертой книги имѣется большой пробѣлъ, въ объемѣ по крайней мѣрѣ двухъ книгъ, судя по тому, чего недостаетъ здѣсь въ дѣйствіи. Эта часть должно быть какимъ нибудь образомъ утрачена, ибо Петрарка самъ указываетъ (*Ad posteros*), что онъ окончилъ поэму, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ о ней говоритъ, онъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы не довелъ до конца какого нибудь изъ отдѣловъ, онъ только упоминаетъ о томъ, что поэма нуждается еще въ общей передѣлкѣ и въ безчисленныхъ стилистическихъ поправкахъ¹⁾. Эту послѣднюю работу онъ все откладывалъ, и наконецъ она ему показалась невозможной, и онъ отказался отъ нея совершенно. При его жизни въ вѣденіе публики поступили только тридцать четыре стиха; но вообще ожиданіе было очень живо, и произведеніе достигло славы и почитанія прежде, чѣмъ оно сдѣлалось извѣстнымъ.

Петрарка съ самыхъ юныхъ дней всегда глубоко преклонялся передъ Сципіономъ Африканскимъ старшимъ, считая его наиболѣе выдающимся среди великихъ людей Рима; онъ, какъ думалъ поэтъ, даровалъ своему народу самую славную побѣду, и Петраркѣ представлялось крайне несправедливымъ, что именно этотъ герой еще не нашелъ никого, кто воспѣлъ его достойнымъ образомъ. Такимъ образомъ онъ беретъ на себя эту задачу; онъ рассказываетъ въ своей поэмѣ вторую пуническую войну съ того пункта, когда Сципіонъ рѣшилъ переправиться въ Африку—до заключенія мира и до возвращенія побѣдителя на родину.

¹⁾ Такъ же безъ сомнѣнія нужно понимать его слова, когда онъ въ *De contemptu mundi* (1342) называетъ свою „Африку“ *opus inexpletum*.

Но, кромѣ цикла фактовъ здѣсь обработанныхъ, онъ пробѣжалъ всю римскую исторію, разсматривая ея прошедшее и ея будущее.

Въ самомъ началѣ Сципіону снится сонъ: ему являюся отецъ и дядя, погибшіе въ Испаніи, они открываютъ передъ нимъ области блаженныхъ, показываютъ тамъ многихъ славныхъ римлянъ античныхъ временъ, говорятъ объ ихъ дѣяніяхъ и предсказываютъ ему будущность вѣчнаго города, до эпохи, въ которую жилъ поэтъ. Это описаніе, какъ мы можемъ видѣть, является подражаніемъ сну Сципіона въ шестой книгѣ *De Republica* Цицерона; Петрарка перенесъ цицероновскій вымыселъ съ младшаго Сципіона на старшаго и распространилъ его на цѣлыя двѣ книги (I, II), чтобы получить возможность рассказать такое множество историческихъ фактовъ. Въ другомъ мѣстѣ (I. III) король Сифаксъ проситъ Лелія, пришедшаго къ нему въ качествѣ сципіонова посла, рассказать о судьбахъ его отечества, и Лелій вкратцѣ изображаетъ развитіе римскаго могущества, причемъ болѣе подробно останавливается на отдѣльныхъ примѣрахъ героическихъ добродѣтелей, какъ Курцій и Лукреція.

Герой Петрарки, Сципіонъ, такъ же мало поэтиченъ, какъ и вообще добродѣтельные герои искусственнаго эпоса, напр. Эней и Готфридъ; онъ такъ совершененъ, такъ мудръ, такъ безстрастенъ, что нисколько не интересуется читателя. Да и вообще «Африка», какъ эпосъ, произведеніе неудачное; истинная эпопея никогда не можетъ быть удачной у поэта школы, а къ этому у Петрарки присоединилось еще съ одной стороны отсутствіе всякой способности къ объективному, пластическому изображенію людей и событій, съ другой выборъ сюжета, который не содержалъ въ себѣ никакого эпического элемента. Этотъ сюжетъ былъ переданъ не колеблющейся и всегда неустойчивой традиціей легенды, а закрѣпленъ въ ясныхъ и точныхъ очертаніяхъ историческаго разказа; поэтому вымыселъ, свободное движеніе фантазіи были исключены, въ особенности для Петрарки, который испытывалъ передъ древней исторіей почти суевѣрное преклоненіе. Какъ могъ онъ украшать или обогащать то, что по его возрѣніямъ самымъ совершеннымъ образомъ произошло, было самымъ совершеннымъ образомъ рассказано? Такимъ образомъ онъ постоянно точнымъ образомъ держится источниковъ и воспроизводитъ не только факты, но нерѣдко даже и дословную ихъ передачу. Позднѣе поэтъ самъ высказывался противъ прямыхъ заимствованій изъ чужихъ произведеній: въ своихъ эклогахъ онъ мѣнялъ стихи, потому что, самъ того не сознавая, воспроизводилъ въ нихъ слова *Виргилія* и *Овидія* (*Fam.* XXII, 2); мы должны смотрѣть, писалъ онъ *Боккачіо* въ 1366 году (*Fam.* XXIII, 19), *ut cum simile aliquid sit, multa sint dissimilia, et idipsum simile lateat nec deprehendi possit nisi tacita mentis indagine, ut intelligi simile*

queat potius quam dici. Utendum igitur ingenio alieno, utendumque coloribus, abstinendum verbis. Тамъ гдѣ дѣло идетъ о римской исторіи, онъ не слѣдуетъ этому принципу; въ книгѣ *De viris illustribus* онъ довольно часто употреблялъ слова Ливія; дословныя заимствованія изъ Ливія и Цицерона находятся также въ большомъ количествѣ въ стихахъ «Африки». Петрарка не рѣшался прикоснуться къ тому, что ему было передано, даже въ мелочахъ; гдѣ все ему представлялось достойнымъ почтенія и превосходнымъ, тамъ онъ естественно удерживалъ даже и выраженія ¹⁾).

Но если «Африка», какъ художественное произведеніе, въ цѣломъ неудачна, она всетаки не лишена совершенно поэтическихъ красотъ. Она является вдохновеннымъ гимномъ римскаго величія, и скорбной жалобой на упадокъ Рима, т. е. согласно съ чувствами поэта она воспѣваетъ величіе и упадокъ его родины. Преклоненіе передъ тѣмъ блестящимъ прошлымъ героическаго народа, къ которому поэтъ такъ страстно рвется, внушаетъ ему теплыя и сильныя выраженія, и многія черты изъ древней исторіи, какъ, напр., смерть Курція въ третьей книгѣ, производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря величественной простотѣ изображенія.

Вся поэма проникнута чувствомъ не эпическимъ, но лирическимъ; къ счастью въ повѣствованіи оказался одинъ пунктъ, для котораго въ дѣйствительности послѣднее было гораздо важнѣе, чѣмъ первое; это исторія Софонисбы въ пятой книгѣ, исторія страстной любви къ ней со стороны Масиниссы и ея героической смерти. Здѣсь поэтъ столкнулся съ сюжетомъ, который вполнѣ отвѣчалъ его наклонностямъ и способностямъ; ему нужно было изобразить муки любви, которыя онъ зналъ по собственному опыту, а не воинственныя чувства и дѣянія, съ которыми онъ былъ знакомъ только по книгамъ; такимъ образомъ здѣсь онъ дѣйствительно пользовался тѣми же самыми художественными приемами, тѣми же самыми образами и выраженіями, посредствомъ которыхъ воспѣлъ собственную любовь въ *Canzoniere*, — на что превосходно указалъ, сопоставленіемъ многихъ параллельныхъ мѣстъ, новѣйшій издатель «Африки», Коррадини. Такимъ путемъ его Софонисба сдѣлалась фигурой въ высшей степени живой, обольстительной въ роскоши своей пышной красоты, трогательной въ своей величественной смерти; правдиво и глубоко изображена душевная борьба Масиниссы, который долженъ былъ пожертвовать только что завоеванной возлюбленной ради неумолимыхъ вѣдній римскаго могущества. Здѣсь мы узнаемъ въ Петраркѣ мастера психологическаго изображенія, какимъ онъ является въ своихъ итальянскихъ стихотвореніяхъ, и если онъ тѣмъ не менѣе въ пятой книгѣ своей «Африки» не достигъ вполнѣ того поэтическаго эффекта,

¹⁾ См. Zumbini, Studi sul Petrarca. Napoli 1878, въ особенности ст. 132.

какъ въ итальянской лирикѣ, это оттого, что латынь не была въ его рукахъ такимъ послушнымъ инструментомъ, какъ его разговорный живой языкъ ¹⁾).

Софонисба удалась поэту потому, что здѣсь онъ могъ изображать внутрення состоянія души, подобныя тѣмъ, которыя суждено было пережить ему самому, удалось ему еще другое мѣсто, исполненное поэтического настроенія именно въ силу того, что, будучи лирическимъ изліяніемъ его собственныхъ ощущений, оно совершенно субъективно; это — предсмертная скорбь карфагенскаго вождя Магона, (I. VI, v. 885 и слѣд.). Магонъ, братъ Ганнибала, и предводитель пуническаго, флота, отозванъ домой изъ Генуи, когда въ самой Африкѣ Карфагенъ подвергся опасности со стороны Сципіона, но въ дорогѣ онъ умираетъ, близъ Сардиніи, отъ раны полученной имъ прежде; его послѣднія слова исполнены глубокой скорби по поводу ничтожества всего земнаго. Это именно тѣ самые тридцать четыре стиха, которые были единственнымъ отрывкомъ изъ поэмы достигшей гласности, противъ воли автора, находившаго, что эти строки, такъ же какъ и все остальное, еще недостаточно отдѣланы. Его другъ Барбато изъ Сульмоны выпросилъ эти стихи у Петрарки въ 1343 г. въ Неаполѣ, подъ условіемъ, никому ихъ не показывать, но не сдержалъ своего слова; стихи вскорѣ сдѣлались извѣстными и достигли большаго распространенія; ихъ вездѣ переписывали, они находились въ каждой библіотекѣ. Во Флоренціи этотъ отрывокъ подвергся рѣзкой критикѣ; читатели находили, что слова, которыя Петрарка вложилъ въ уста Магона, неумѣстны — ни въ устахъ умирающаго, ни въ устахъ язычника, ни въ устахъ такого молодаго человѣка. Критика весьма больно задѣла поэта, и онъ написалъ объ этомъ въ 1363 году Боккачіо, въ раздраженномъ тонѣ (Sen. II, 1): Онъ бранить своихъ согражданъ, флорентинцевъ, благодаря ихъ неумѣренной наглости въ сужденіяхъ вообще и опровергаетъ упреки своихъ противниковъ въ частности. Но въ сущности они были правы, замѣчая противорѣчіе между личностью и положеніемъ говорящаго съ одной стороны и тѣмъ, что онъ говорилъ съ другой, и противорѣчіе дѣлается еще замѣтнѣе теперь, если мы сопоставимъ данное мѣсто со всѣмъ остальнымъ, чего современники не могли сдѣлать. Эти сужденія Магона, исполненныя міровой скорби, введены безъ всякой подготовки; мы еще совершенно не знаемъ личности, неожиданно видимъ умирающаго, пуническаго вождя, онъ внезапно начинаетъ рѣчь, исполненную такой пессимистической глубины, которая немыслима для такого человѣка и въ такую эпоху; по крайней мѣрѣ поэтъ долженъ былъ бы тѣмъ или другимъ путемъ познакомить насъ съ такимъ необыкновеннымъ характеромъ. Въ дѣйствительности же здѣсь говорить совсѣмъ не Магонъ, а самъ Пе-

¹⁾ Zumbini, 1 c. p. 144.

трарка; эти вещи были у него на сердцѣ; онъ постоянно былъ занятъ мыслями о тщетѣ существованія, о пустотѣ, иллюзорности человѣческихъ стремленій, и этотъ печальный взглядъ всегда стремился къ выраженію, такъ что поэтъ высказывалъ его при каждомъ, хотя бы и неудобнымъ, случаѣ:

Heu, sortis iniquae

Natus homo in terris! Animalia cunita quiescunt;

Irrequietus homo perque omnes auxius annos

Ad mortem festinat iter. Mors, optima rerum,

Tu retegis sola errores, et somnia vitae

Discutis exactae.

Однако хотя эти стихи составляютъ ошибку въ рамкахъ цѣлаго произведенія, они принадлежатъ какъ разъ къ числу тѣхъ мѣстъ, которыя, будучи продиктованы непосредственнымъ чувствомъ поэта, придаютъ наибольшую цѣнность произведенію.

Петрарка былъ убѣжденъ, что его «Африка» согласно съ своимъ планомъ представляла изъ себя весьма выдающееся поэтическое произведение и была бы способна доставить ему безсмертіе, если бы ему только удалось придать формѣ ту высшую чистоту и законченность, представленіе о которыхъ онъ хранилъ въ своей душѣ. Въ поэмѣ сказывается поэтому весьма отчетливо чувство собственного достоинства; съ смѣлостью, имѣющей мало равныхъ себѣ примѣровъ, онъ влагаетъ въ уста героевъ похвалы и одобренія по собственному адресу. Отецъ Сципіона предвѣщаетъ во снѣ, описанномъ въ первыхъ книгахъ (II, 441), появленіе тосканскаго поэта, который, воплотивъ въ себѣ новаго Эннія и будучи для него болѣе дорогъ, чѣмъ этотъ послѣдній, прославить дѣянія его сына; въ другомъ мѣстѣ (IX, 216) Энній рассказываетъ Сципіону, какъ ему во снѣ явился padre Omega и показалъ ему того поэта, который возвратитъ на Геликонъ исчезнувшихъ Музъ, упоминаетъ имя Франческо и заглавіе поэмы, и Сципіонъ отвѣчаетъ (ст. 304).

Illum equidem iam nunc iuvenemque novumque poetam

Complector tibi tunc visum quondamque parenti.

Энній рассказываетъ также объ увѣнчаніи Петрарки и о другихъ его историческихъ работахъ. Не менѣе семидесяти стиховъ поэтъ посвятилъ здѣсь самому себѣ, но этого ему еще мало; онъ не можетъ насытиться мыслями о своей славѣ, и въ концѣ, гдѣ идетъ рѣчь о триумфѣ Сципіона, еще разъ упоминаетъ, что пятнадцать столѣтій спустя въ томъ же Капитоліи онъ праздновалъ свой триумфъ.

Какъ для этого большаго стихотворнаго произведенія, такъ вообще и для другихъ своихъ литературныхъ работъ, Петрарка пользовался латинскимъ языкомъ. Благодаря ревностному изученію древнихъ онъ достигъ того, что могъ писать латынью, какой въ средніе вѣка не

знали, языкомъ въ высшей степени удивительнымъ для того времени хотя теперь мы видимъ въ немъ разныя грамматическія неловкости и недостатки изящества, а въ стихахъ нерѣдко — метрическія вольности, которыхъ древніе не допускали.

Болѣе мелкія латинскія поэтическія произведенія Петрарки состоятъ изъ двѣнадцати эклогъ и трехъ книгъ поэтическихъ писемъ. Эклоги или, какъ онъ ихъ еще называлъ, *Vicolicum Carmen*, начаты лѣтомъ 1346 года (см. *Var.* 42), но окончены не ранѣе 1356 года, ибо послѣдняя относится къ битвѣ при Пуатье. Стихотворенія эти являются подражаніемъ виргиліевымъ *Vicolicis*; но если Виргилій только въ отдѣльныхъ эклогахъ скрывалъ за сценами пастушеской жизни собственное пережитое и намеки на политическія отношенія, итальянцы распространили эту манеру на цѣлый литературный родъ, сдѣлавъ ее характеристической его чертой. Такъ было въ стихотвореніяхъ Данте, адресованныхъ Джіовани дель Вирджиліо, тоже самое мы замѣчаемъ и въ стихотвореніяхъ Петрарки. Мы видимъ въ формѣ такой пасторали разговоръ между Петраркой и его братомъ Герардо при вступленіи этаго послѣдняго въ монастырь, разговоръ относительно смерти короля Роберта, разговоръ касательно увѣнчанія поэта, разговоръ по поводу мятежа Кола ди Ріэнцо, съ которымъ мы уже ознакомились, два разговора касательно испорченности куріи въ Авиньонѣ и т. д. Однако прелесть идилліи заключается въ томъ, что она является дѣйствительной картиной неприхотливыхъ отношеній, служащихъ контрастомъ для сложныхъ отношеній общественной жизни; если же этотъ контрастъ вводится въ сферу идилліи, и эта послѣдняя превращается въ форму чисто внѣшнюю, за которой скрывается ея противоположность, тогда поэтическій родъ теряетъ свой собственный характеръ и превращается въ игру. Пастухъ, — который на самомъ дѣлѣ не пастухъ, а монахъ, государственный человѣкъ, папа Климентъ VI, король Іоаннъ Французскій, — перестаетъ быть привлекательной фигурой. Предметы, о которыхъ говоритъ здѣсь Петрарка, не имѣютъ съ сельской жизнью ничего общаго; онъ избралъ для нихъ форму эклоги только потому, что тогда его къ этому побуждала обстановка его собственной жизни въ Воклюзѣ. Конечно въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, хотя не во всѣхъ, аллегорическая форма, скрывающая содержаніе, была желательна по другой причинѣ, именно тамъ, гдѣ онъ высказывалъ страстное порицаніе по адресу сильныхъ міру сего; во второй эклогѣ порицается неаполитанскій дворъ, въ пятой римское дворянство, въ шестой и седьмой папа Климентъ; здѣсь прямая открытая манера говорить могла бы подвергнуть его опасности. Итакъ подобныя стихотворенія превращаются въ нѣкотораго рода загадки; самъ Петрарка говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (*Var.* 42): «природа этой литературной формы такова, что, если авторъ самъ не дастъ объясненія смысла, — онъ можетъ быть угаданъ, но не

можетъ быть понятъ». Поэтому касательно двухъ эклогъ, первой и пятой, онъ даетъ истолкованіе аллегорической пасторали въ своихъ письмахъ (Fam. X, 4 и Var. 42); во второй онъ по крайней мѣрѣ объясняетъ имена разговаривающихъ (Var. 49), ему же безъ сомнѣнія принадлежатъ краткія указанія касательно смысла всѣхъ эклогъ, сохранившіяся въ одномъ манускриптѣ, принадлежащемъ фамилии Эсте. Позднѣе комментированіемъ занимались и другіе, Бенвенуто изъ Имолы и Донато дельи Альбанцани. Съ точки зрѣнія историко-литературной всѣ эти стихотворенія очень важны; напротивъ поэтической красотой отличаются только два, гдѣ, несмотря на злополучную концепцію, нашло выраженіе истинное чувство. Это одиннадцатая эклога, скорбь надъ могилой Лауры, и восьмая, описывающая разлуку поэта съ кардиналомъ Колонна, когда онъ въ 1347 году хотѣлъ отправиться въ Римъ къ Кола ди Риэнцо.

Латинскія письма въ стихахъ относятся къ самымъ различнымъ временамъ и содержатъ въ себѣ рассказы о событіяхъ изъ жизни автора, морализаціи, полемики, обсужденіе предметовъ литературныхъ и политическихъ; все это весьма важно для его біографіи. Поэтическое содержаніе, какъ это и естественно въ письмахъ, по большей части незначительно; однако въ большей степени оно появляется тамъ, гдѣ Петрарка изображаетъ явленія природы, описываетъ сцены изъ своей одинокой жизни, свои грезы и фантазіи, осынявшія его въ высокомъ и тихомъ лѣсу Сальваціана близъ Пармы (II, 17), свои сельскія занятія въ Воклюзѣ, причемъ мы видимъ красивую картину его борьбы съ нимфами рѣки Сорга, которыя, ревнуя Музъ, скрывшихся къ нему, постоянно наводняютъ и разрушаютъ его садикъ, отвоеванный у нихъ на краю скалы (III, 1). Но самымъ красивымъ изъ этихъ писемъ является седьмое письмо первой книги. Онъ рассказываетъ здѣсь Якопо Колонна о мукахъ своей любви; говоритъ, какъ нестерпимое страданіе побуждало его удалиться оттуда, гдѣ онъ всегда имѣлъ передъ глазами предметъ своей безнадежной страсти; какъ снѣдаемый тысячами скорбей онъ извѣздилъ страны на югъ и на сѣверъ, но, едва возвратившись, почувствовалъ, что рана его снова открылась; какъ потомъ онъ искалъ одиночества въ Воклюзѣ, но и здѣсь его неотступно преслѣдовалъ образъ той, отъ кого онъ бѣжалъ, такъ что она ему является во снѣ, и образъ ея возникаетъ изъ за кустовъ, изъ за скалъ, изъ источника; затѣмъ онъ описываетъ другу свою тихую жизнь въ обществѣ излюбленныхъ книгъ, рассказываетъ какъ, сопровождаемый этими вѣрными товарищами, отдаваясь творчеству, онъ блуждаетъ по полямъ, избѣгаетъ встрѣчь съ людьми, услаждается глубокимъ молчаніемъ лѣса, гдѣ всеобщее спокойствіе прерывается только журчаніемъ ручья, бѣгущаго по песку, и дуновеніемъ вѣтра, который шелеститъ его, только что исписанными, листами и какъ бы сообщаетъ его пѣснямъ голосъ:

Et iuvat ingentis haurire silentia silvae,
Murmur et omne nocet, nisi vel dum rivus arenae
Lucidus insultat, vel dum levis aura papyrum
Verberat, et faciles dant carmina pulsa susurros.

Прозаическія сочиненія Петрарки являются частью учеными историческими компиляциями, частью моральными трактатами. Книга *De Viris Illustribus* содержит біографіи знаменитыхъ людей древности, все біографіи римлянъ, за исключеніемъ трехъ, Александра, Пирра и Ганнибала. Петрарка простымъ и яснымъ образомъ разсказалъ исторію, слѣдуя древнимъ писателямъ, въ особенности Ливію. Ему самому принадлежитъ распоряженье фактовъ и нѣкоторыя отдѣльныя моральныя сентенціи. Авторъ придавалъ этой книгѣ большое значеніе; повидимому онъ смотрѣлъ на нее, вмѣстѣ съ своей «Африкой», какъ на наиболѣе важную задачу своей жизни; какъ поэма являлась поэтическимъ, такъ эта является научнымъ прославленіемъ Рима посредствомъ оживленія памяти о ея великихъ мужахъ: оба произведенія поставлены рядомъ въ діалогахъ *De contemptu Mundi* (III, p. 411) и это мѣсто ставитъ внѣ сомнѣній, что историческій трудъ былъ предпринятъ ранѣе поэтическаго. Итакъ это одно изъ самыхъ раннихъ его латинскихъ сочиненій, даже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ писемъ, самое раннее изъ всѣхъ до насъ дошедшихъ; но работа растянулась на долгій срокъ и не была доведена до тѣхъ размѣровъ, на которые онъ рассчитывалъ, согласно съ отрывкомъ въ *Cont. Mund.*, т. е. до Тита: послѣдней изъ біографій является біографія Юлія Цезаря. Въ 1354 году Петрарка говорилъ императору Карлу IV (*Fam.* IX, 3), что произведеніе еще нуждается во времени и въ досугѣ. Посвященіе, которое, какъ мы видѣли, императоръ хотѣлъ получить себѣ, не было ему даровано, ибо по воззрѣніямъ автора онъ не исполнилъ поставленное условіе — сдѣлаться достойнымъ черезъ великія дѣянія; книга посвящена вмѣсто этого Франческо да Каррара, синьоре Падуанскому, съ которымъ поэтъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ (съ 1368 года), какъ прежде онъ былъ связанъ съ своимъ отцомъ Якопо. Когда Петрарка говоритъ ему въ предисловіи, что онъ предпринялъ свою работу по его побужденію, это нужно понимать только, какъ комплиментъ, сдѣланный покровителю и не соотвѣтствующій дѣйствительности. По желанію Франческо да Каррара, поэтъ началъ дѣлать извлеченія изъ своего произведенія, предназначенныя для надписи къ портретамъ славныхъ римлянъ, которые князь повелѣлъ нарисовать въ одной изъ залъ своего дворца. Но онъ дошелъ только до Фабриція, и продолженіе до Траяна было сдѣлано послѣ его смерти его другомъ Ломбардо а Сэрико, который дополнилъ также великое историческое произведеніе, прибавивъ къ нему извѣстное число біографій, равнымъ образомъ до Траяна.

Если въ этой работѣ Петрарка разсказалъ жизнь отдѣльных выдающихся мужей, сопоставивъ ихъ вмѣстѣ, въ четырехъ книгахъ *Regum Memorandarum* разсказаны дѣянiя, событiя, изреченiя, какъ замѣчательныя сами по себѣ и согласно съ своимъ собственнымъ характеромъ, а не съ характеромъ лицъ къ которымъ они относятся. На подобiе Валерiя Максима въ его собранiи примѣровъ, внушившемъ идею этой работы, Петрарка соединилъ свои анекдоты и примѣры по рубрикамъ, согласно съ какимъ нибудь общимъ явленiемъ, согласно съ добродѣтелью, съ той или иной человѣческой особенностью для иллюстрированiя которыхъ они могли бы служить; онъ также слѣдовалъ своему образцу, когда въ каждой главѣ отдѣлялъ отечественные т. е. римскiе примѣры отъ чужеземныхъ, и эти послѣднiе ставилъ на второмъ мѣстѣ. Но къ этому онъ прибавлялъ третью категорию, примѣры взятые изъ новаго времени, въ особенности изъ жизни такъ часто восхваляемаго имъ короля Роберта Сицилійскаго, затѣмъ также нѣкоторыя анекдоты относительно Данте, Дино изъ Флоренци, Кастручио Кастракани, Угучионе делла Фаджиуола и другихъ. Эта часть, которую онъ относилъ на заднiй планъ, является теперь для насъ самой привлекательной, и можно только пожалѣть, что авторъ былъ здѣсь слишкомъ скупъ. Большое количество разсказовъ почерпнуто, какъ всегда, у древнихъ писателей. Для его современниковъ было весьма полезнымъ такое предпрiятiе, соединенiе столькихъ ученыхъ замѣчанiй изъ такихъ различныхъ источниковъ; съ развитiемъ знанiя значенiе компиляци, понятно, почти совершенно утратилось.

Книги *Regum Memorandarum* были начаты послѣ *De Viris Illustribus*, какъ показываетъ одно мѣсто «въ «Африкѣ» (IX, 254 и слѣд.) гдѣ Петрарка заставляетъ Гомера пророчествовать Эннiю сочиненiе обѣихъ этихъ работъ; кромѣ того второе изъ названныхъ произведенiй цитируется въ первомъ (въ концѣ). Какъ и надъ другими своими сочиненiями, авторъ работалъ надъ этимъ произведенiемъ долгое время; уже въ декабрѣ 1344 года онъ былъ занятъ главой описывающей сны (*Fam. V, 7*). Мѣсто касательно Климента VI (I. II, cap. 1, p. 460) должно было быть написано раньше 1352 года, ибо о папѣ говорится еще какъ о живомъ; но непосредственно передъ этимъ находится примѣръ, который повидимому могъ быть помѣщенъ здѣсь только около 1368 года: рѣчь идетъ о нѣкоторомъ человѣкѣ, обладавшемъ удивительной силой памяти; судя по нѣкоторымъ деталямъ это никто другой, какъ Сакраморъ де Помме, находившiйся въ дружескихъ отношенiяхъ съ поэтомъ, курьеръ императора Карла IV; этотъ Сакраморъ пригласилъ его въ 1354 году въ Мантую, сопровождалъ его въ 1356 году во время путешествiя въ Германiю, а въ 1367 году или 1368 поступилъ въ монастырь; но это послѣднее событiе уже упомянуто въ отрывкѣ

изъ *Regum Memorandum*. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ приемъ, которому Петрарка часто слѣдовалъ и въ другихъ мѣстахъ, именно, по истеченіи очень долгаго времени, онъ вставлялъ въ свои работы разные отрывки и заносилъ даты гораздо болѣе старыя. Эта работа также не доведена до конца; то, что мы теперь имѣемъ, должно представлять изъ себя лишь небольшую часть этого, по замыслу чрезвычайно обширнаго, сочиненія; начало второй книги указываетъ, что авторъ хотѣлъ говорить о всѣхъ добродѣтеляхъ¹⁾, а тамъ, гдѣ прорывается произведеніе теперь, онъ не закончилъ еще разсужденій о первой добродѣтели, *Prudentia*, и о томъ, что съ ней связано.

Поэтическія произведенія и письма Петрарки переполнены морализаціями; практической тенденціей проникнуты также объ большія историческія работы; но собственно моральные трактаты по замыслу своему являются болѣе современными, нежели эти послѣднія, и относятся уже къ болѣе зрѣлому возрасту автора, что указываетъ намъ на весьма естественное развитіе его мысли. Морализованье здѣсь имѣетъ также нѣсколько иной характеръ; съ теченіемъ времени Петрарка все больше и больше отдавался теологическимъ занятіямъ, которыми онъ, судя по его собственнымъ словамъ (*Sen. XVI, 1*), въ прежнее время совершенно пренебрегалъ, отдаваясь всецѣло чтенію древнихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его міросозерцаніе получаетъ аскетическое направленіе, которое однако не одерживаетъ полной побѣды и должно мириться съ противорѣчивыми ощущеніями и склонностями.

Въ 1347 году онъ посѣтилъ своего брата Герардо, который былъ картезіанскимъ монахомъ въ монастырѣ Монтріэ въ Провансѣ; эта жизнь, исполненная созерцанія, отреченія и очищенія, произвела на него глубокое впечатлѣніе, и онъ написалъ монахамъ этой обители книгу *De Otio Religiosorum*, хвала презрѣнію къ міру, аскетическая проповѣдь о тщетѣ земнаго и о мудрости тѣхъ, которые ея бѣгутъ.

Этотъ трактатъ былъ оконченъ не ранѣе 1356 года, ибо въ книгѣ второй (на страницѣ 355-й) есть намекъ на битву при Пуатье. За годъ до этого, т. е. въ 1346 году, онъ началъ въ Воклюзѣ книгу *De Vita Solitaria*. Онъ посвятилъ ее одному изъ своихъ лучшихъ друзей, Филиппо де Кабасолу, который былъ тогда епископомъ маленькаго городка Кавальона близъ Воклюза, а позднѣе достигъ высшаго положенія и сдѣлался кардиналомъ. Этотъ трактатъ онъ также окончилъ лишь десять лѣтъ спустя, въ 1356 г., какъ доказываютъ упоминаемые въ книгѣ второй (*Sect. 4, cap. 2*) историческіе факты и далѣе замѣчаніе автора въ письмѣ, написанномъ въ 1366 году (*Sen. VI, 5*), что онъ посылаетъ другу свою книгу черезъ цѣлые десять

¹⁾ Т. е. о четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ; вопросы теологическіе онъ нѣсколько разъ неукоснительно исключаетъ изъ своего плана см. I, 2 p. 452 и IV, 2 p. 519.

лѣтъ послѣ ея написанія, потому что до сихъ поръ онъ не могъ согласно съ своимъ желаніемъ получить копіи. Одна глава, именно о святомъ Ромуальдѣ, прибавлена черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ опубликованія книги (Sen. XVI, 3).

Какъ видно изъ писемъ Петрарки, онъ снискалъ большое одобреніе этой работой: Филиппо де Кабасоль былъ о ней такого большаго мнѣнія, что, уже будучи кардиналомъ, всегда, когда ему приходилось обѣдать съ сановными лицами, заставлялъ ее читать за столомъ, въ такихъ случаяхъ, когда читалось только Священное Писаніе.

Свою похвальную рѣчь отшельнической жизни Петрарка началъ параллелью между образомъ жизни городского занятого человѣка и тѣмъ спокойнымъ образомъ жизни, какой ведетъ человѣкъ, находясь среди природы, — чтобы показать этимъ, насколько послѣдній предпочтительнѣе. Но для этого контраста онъ выбралъ умышленно изъ городской жизни примѣры порочности и низости, какъ то: обманъ, росточительство, притѣсненія, мошенничество, — въ то время какъ его отшельникъ является невиннѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, всегда думаетъ только о томъ, чтобы служить Господу и восхвалять Его. Однако онъ самъ хорошо видѣлъ, что это преувеличеніе, и что хорошіе люди могутъ быть и въ городѣ; но онъ утверждаетъ, что это рѣдкія исключенія. Въ другомъ мѣстѣ, будучи исполненъ колебаній, которыя показываютъ, какъ мало справедливы были тѣ, кто желалъ его видѣть мыслителемъ и философомъ, онъ отказывается и отъ этой точки зрѣнія и увѣряетъ, что не хочетъ давать никому никакихъ предписаній и высказывается только согласно своей манерѣ мыслить и чувствовать, природы же у разныхъ людей разныя (I. II, sect. 4, cap. 1). Для его природы конечно наиболѣе желательнымъ и наиболѣе подходящимъ былъ именно такой образъ жизни, существованіе спокойное, протекающее въ созерцательной набожности и литературныхъ занятіяхъ, жизнь отшельника и ученаго. Всѣ другія стремленія человѣка отступаютъ у него на задній планъ; значеніе государства и семьи онъ въ расчетъ не принимаетъ; женщины являются источникомъ всякаго зла и всякихъ безпокойствъ, одно ихъ присутствіе, одна ихъ тѣнь — уже пагуба, — если даже брать лучшихъ представительницъ ихъ пола (I. II, sect. 3, cap. 3). И это говорилъ онъ, воспѣвавшій Лауру и за нѣсколько строкъ до этого восхвалявшій Пресвятую Дѣву Марію. Онъ развиваетъ здѣсь рѣшительно — эгоистическій идеалъ и признается, что конечно было бы лучше и прекраснѣе жить не только для себя, но поддерживать и радовать другихъ; но въ то время какъ онъ сомнѣвается, есть ли такіе люди, онъ чувствуетъ, что ему самому слишкомъ нужна помощь чтобы быть въ состояніи думать о другихъ; онъ довольствуется возможностью уберечь самого себя отъ опасностей этого міра и, видитъ,

что самъ онъ еще не вполне достигъ того созерцательнаго спокойствія, къ которому стремится. Его духъ еще не пришелъ въ достаточной степени въ гармоническое соотношеніе съ избранной поэтомъ жизненной обстановкой, и онъ вздыхаетъ, что страсти еще не утратили надъ нимъ своего владычества. Этими размышленіями наполнена первая книга; вторая въ подкрѣпленіе имъ указываетъ на многочисленные примѣры знаменитыхъ мужей, святыхъ и мірянъ, возлюбившихъ одиночество; такимъ образомъ это, въ большей своей части, компиляція ученыхъ сообщений, какъ его историческія работы.

Когда человѣкъ подобный Петраркѣ, который живо чувствовалъ всю истинную прелесть уединенія, который былъ такъ впечатлителенъ къ красотамъ природы, на что указываютъ многочисленные отрывки его пѣсень, — когда такой человѣкъ пишетъ цѣлую книгу о жизни въ уединеніи, мы въ правѣ ожидать отъ него чего нибудь особеннаго и, во всякомъ случаѣ, чего нибудь совершенно другаго, чѣмъ то, что онъ далъ. Прекрасенъ и вполне достоинъ Петрарки, какъ поэта, заключительный отрывокъ о шелестѣ листьевъ и о плескѣ волнъ, которыя одобрительно шепчутъ на его слова. Несомнѣнно что здѣсь въ основаніи лежитъ теплое, искреннее чувство; но въ его проявленіи сказывается черезчуръ много съ одной стороны учености, съ другой аскетическихъ преувеличеній, и то, что было бы прекрасно и привлекательно, какъ выраженіе чувства, теряетъ свою эффективность, какъ морализація.

Моральные трактаты Петрарки по своей тенденціи носятъ рѣшительно средневѣковой характеръ, но только и здѣсь проявляется пламенная любовь автора къ классической древности. Съ особеннымъ пристрастіемъ онъ цитируетъ римскихъ авторовъ, и, выражая отшельнически-монашеское презрѣніе къ тѣмъ моральнымъ благамъ, которыя создаются общеніемъ съ людьми, онъ однако не можетъ удержаться отъ чувства патриотической гордости при созерцаніи славы и величія римскаго народа, энергія котораго въ достиженіи земныхъ благъ является прямымъ контрастомъ установленнаго Петраркой жизненнаго идеала. Еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ двухъ названныхъ произведеніяхъ, аскетическое міросозерцаніе проявляется въ книгѣ *De Remediis Utriusque Fortunae*. Она посвящена Аццо да Корреджіо, который самъ представлялъ изъ себя живой примѣръ быстрой измѣнчивости счастья. Упоминаніе о занятіяхъ этой работой встрѣчается около 1360 г. (Fam. XXIII, 12); она была окончена 5 окт. 1366 года. Сообразно съ этимъ, мы видимъ здѣсь произведеніе, относящееся къ преклонному возрасту, и такимъ образомъ лучше понимаемъ его характеръ. Сочиненіе распадается на двѣ книги: первая касательно счастья, вторая касательно несчастія; и та и другая состоятъ въ свою очередь изъ большаго числа краткихъ діалоговъ. Радость или надежда въ первой части восхваляютъ счастье, уже су-

шествующее или ожидаемое; печаль или страхъ во второй части— скорбятъ о несчастіи настоящемъ или угрожающемъ, и разумъ каждый разъ отвѣчаетъ то здѣсь то тамъ, укрощая порывы чувствъ, разрушая ихъ доказательствомъ ихъ бесплодности. Различныя явленія человѣческой жизни, которыя могутъ дать поводъ къ радости или къ печали, разсматриваются съ наивозможной полнотой одно вслѣдъ за другимъ, отъ крупнѣйшихъ до ничтожнѣйшихъ, отъ достиженія королевской или папской власти, отъ потери владычества, отъ утраты друзей и отъ тѣлесной смерти—до неудобствъ, причиняемыхъ зубной болью, лягушками, мышами и блохами. Произведеніе должно было являться настольной книгой, отдѣльныя страницы которой можно было бы при случаѣ раскрывать и находить тамъ совѣты, смотря по положенію, въ какомъ находится читатель; касательно каждаго отдѣльнаго случая здѣсь, какъ гласитъ предисловіе, должно быть наготовѣ цѣлебное средство, дабы въ счастіи человѣкъ не слишкомъ возносился, а въ несчастіи не слишкомъ упadalъ духомъ. Это стремленіе находить узду для каждаго увлеченія радостью и бальзамъ для каждой скорби приводитъ къ преувеличеніямъ, въ особенности еще потому, что Петрарка не довольствовался устраненіемъ слишкомъ высокой оцѣнки вещей, но представлялъ всѣ земныя вещи просто на просто равняющимся нулю, такъ что иногда онъ даже печаль о смерти друзей или родныхъ считалъ за глупость. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, когда въ одномъ случаѣ хочетъ уничтожить радость по поводу рожденія сына тѣмъ соображеніемъ, что дѣти представляютъ собой обузу для отца (I, 70), а въ другомъ отвѣчаетъ на жалобу по поводу гнета, причиняемаго многочисленнымъ семействомъ, утверженіемъ, что дѣти являются величайшимъ богатствомъ родителей. (II, 12).

Весь трактатъ, при своихъ значительныхъ размѣрахъ, при своей монотонности и односторонности взглядовъ, производитъ весьма невыгодное впечатлѣніе, и чтеніе безъ перерывовъ, на которое впрочемъ не рассчитывалъ и самъ авторъ, является теперь для насъ совершенной невозможностью. Однако и здѣсь, какъ показалъ Кёртингъ¹⁾, примѣшиваются извѣстные элементы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ уму разностороннему, именно ссылки на авторитеты и примѣры, которыми Петрарка пользуется для подкрѣпленія своихъ поученій, и которые опять взяты почти исключительно изъ классической древности. Гдѣ ему приходится говорить объ этихъ излюбленныхъ предметахъ, онъ не можетъ воздержаться отъ обычныхъ отступленій, ненаходящихся ни въ какой связи съ собственно-моральной задачей и даже скорѣе являющихся ея противорѣчіемъ. Осу-

1) Petrarca's Leben und Werke p. 557 и слѣд.; Leipzig, 1878.

ждаетъ ли онъ наслажденіе, вызываемое картинами, статуями, зданиями, камнями, онъ долженъ брать свѣденія изъ исторіи искусствъ у древнихъ; говорить ли онъ о суетѣ радости по поводу прекрасныхъ лошадей, онъ не можетъ не упомянуть о любви Александра Великаго и Августа къ ихъ конямъ; если идетъ разговоръ о прелестяхъ рыбной ловли, упоминаются Сергій Ората, Лициній Мурена, Гортензій и Лукулль. Гораздо болѣе интересны, нежели другіе моральные трактаты Петрарки, его діалоги *De Contemptu Mundi*. Начало представляетъ изъ себя подражаніе книгъ Боэція *Consolatio*. Когда авторъ горестно размышляетъ, какъ онъ явился въ міръ и какъ онъ долженъ его покинуть, передъ нимъ предстаетъ лучезарная фигура, Истина, которая однако не говоритъ съ нимъ сама, какъ Философія съ Боэціемъ; ее сопровождаетъ св. Августинъ, т. е. тотъ самый религіозный писатель, котораго Петрарка наиболѣе почиталъ, и настолько, что всегда носилъ съ собою экземпляръ его *Confessiones*. Святой старается теперь совлечь своего ученика съ ложныхъ путей, по которымъ онъ ходитъ, и устремить на дорогу спасенія, и въ присутствіи Истины, которая внимааетъ, онъ въ теченіе трехдневнаго разговора убѣждаетъ своего ученика въ ничтожности его самого и въ суетности всѣхъ его стремленій. Въ этихъ діалогахъ Петрарка хотѣлъ открыть самыя интимныя побужденія своей души: задумалъ дать не литературный трудъ, предназначенный, какъ всѣ его другія книги, къ славѣ, но произведеніе, предназначенное для собственнаго употребленія, долженствующее всегда предъявлять вновь его умственнымъ взорамъ его душевное состояніе. Поэтому въ предисловіи онъ называетъ книгу своимъ *Secretum* и убѣждаетъ ее убѣгать гласности. Конечно, мы напрасно стали бы здѣсь искать дѣйствительнаго самопризнанія, безпритязательнаго изліянія чувствъ, которое, будучи занято самимъ собой, совершенно забыло бы о внѣшнемъ мірѣ. И здѣсь онъ цитируетъ древнихъ, въ концѣ предисловія неукоснительно замѣчаетъ, что онъ пользуется формой діалога такъ, какъ онъ научился ей у Цицерона и у Платона; онъ истолковываетъ одно мѣсто изъ Цицерона (стр. 381), указываетъ на другое, какъ на основную мысль, развитую въ книгѣ св. Августина (стр. 382); онъ проповѣдуетъ противъ любви къ славѣ и заставляетъ святаго цитировать стихи изъ своей «Африки» и говорить о нихъ похвально (въ особенности на стр. 413). Такимъ образомъ литературныя претензіи, которыя онъ отрицалъ, еще не совсѣмъ исчезли.

Secretum было уже написано въ 1342 г. или въ 1343 г., ибо въ третьемъ діалогѣ (на стр. 398) упоминается, что онъ уже 16-й годъ любитъ Лауру. Слѣдовательно, это самый ранній изъ моральныхъ трактатовъ, и потому душевная борьба сказывается здѣсь особенно живо. Св. Августинъ является олицетвореніемъ голоса, который въ

то время начиналъ все чаще и громче звучать для него, голоса, который осуждалъ то, къ чему было привязано его сердце, что являлось содержаніемъ его стремленій и чувствъ, — его земныя склонности, прежде всего его любовь къ Лаурѣ и его жажду славы и литературнаго безсмертія. Эти діалоги изображаютъ внутреннюю борьбу, которая такъ часто въ немъ повторылась, но они изображаютъ ее въ тотъ моментъ, когда аскетическое міросозерцаніе повидимому одержало верхъ. Августинъ, проповѣдническій разумъ спиритуализма, всегда, какъ кажется, побѣдоносенъ въ своей аргументаціи; авторъ смиренно признается во всѣхъ своихъ слабостяхъ, говоритъ, что его любовь была грѣховной, хотя она была направлена на добродѣтельнѣйшую донну, что слава, которой онъ добивался съ такими усиліями, есть лживая, призрачная мечта, что только одно занятіе достойно человѣка, занятіе вещами вѣчными, спасеніе души; Петрарка принимаетъ всѣ совѣты святаго, обѣщаетъ слѣдовать имъ и презирать все земное. Однако, когда Августинъ требуетъ, чтобы онъ тотчасъ-же приступилъ къ исполненію своихъ обѣщаній и прервалъ свои литературные труды, «Африку» и книгу о знаменитыхъ мужахъ, вполне обнаруживается, какъ еще шатко и непрочна его рѣшеніе служить отреченію и очищенію своей души; онъ не въ силахъ отказаться отъ вещей для него самыхъ дорогихъ; сперва онъ хочетъ закончить мірскія задачи, которыя началъ, затѣмъ должно послѣдовать великое обращеніе. Мы знаемъ, что значитъ для будущаго такое рѣшеніе; у Августина также возникаютъ нѣкоторыя опасенія, и въ концѣ у самого автора начинается шевелиться въ душѣ сомнѣніе насчетъ собственныхъ силъ: «О, если бы суждено было случиться тому, чего ты хочешь, и я, ведомый Богомъ, вышелъ не вредимымъ изъ столькихъ заблужденій и если бы я, слѣдуя за тѣмъ, кто меня зоветъ, самъ не возмутилъ пылъ передъ своими глазами; если бы волны моего духа успокоились, и міръ замолчалъ, и судьба перестала подниматься противъ меня съ шумомъ!»

Такимъ образомъ эти признанія, если они и не такъ безусловно искренни, какъ обѣщала авторъ, все-же превосходно обрисовываютъ чрезвычайно интересное состояніе души; они представляютъ изъ себя большую цѣнность, какъ матеріалъ для ознакомленія съ его характеромъ, съ его манерой чувствовать, въ особенности для ознакомленія съ природой его любви и его артистическихъ задачъ; они даютъ нѣсколько важныхъ чертъ изъ его біографіи.

Чрезвычайно большую біографическую цѣнность имѣютъ также обширныя собранія его латинскихъ прозаическихъ писемъ. Ни объ одномъ изъ писателей болѣе древнихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній въ такомъ большомъ количествѣ, какъ о Петраркѣ, благодаря этой пространной дошедшей до насъ корреспонденціи: будучи убѣжденъ въ своемъ собственномъ значеніи, онъ любилъ много расска-

зывать о себѣ и о разныхъ событіяхъ изъ своей жизни; онъ написалъ даже, правда очень краткую, автобіографію, письмо къ потомству, *ad Posteror.*

И въ этихъ письмахъ мы находимъ свѣдѣнія не только о самомъ Петраркѣ, но и о другихъ современныхъ писателяхъ, въ особенности о Боккаччіо и о духовныхъ теченіяхъ той эпохи. Но важность этихъ документовъ, какъ памятниковъ исторіи литературы, не можетъ быть поставлена въ уровень съ безотносительнымъ эстетическимъ значеніемъ. Что мы считаемъ въ собраніи писемъ существеннымъ, это — характеръ интимности, дѣлающій чтеніе ихъ привлекательнымъ. Въ собраніи писемъ мы прежде всего и въ особенности ищемъ возможности видѣть великаго человѣка въ его частной обстановкѣ, слѣдить за его поступками и впечатлѣніями изо дня въ день, наблюдать, какъ обыкновенныя событія жизни отражаются въ его душѣ, бросить взглядъ въ тайники его сердца. Но какъ разъ этого-то мы и не находимъ въ письмахъ Петрарки. Письма его являются подражаніями письмамъ древнихъ, Цицерона и въ особенности Сенеки, это ученныя литературныя произведенія. Такое значеніе приписывали имъ и его друзья. Они осаждали Петрарку въ его библіотекѣ, завладѣвали имъ, чтобы сдѣлать копіи съ писемъ, которыя онъ написалъ другимъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ихъ отправить (*Fam. V, 16*). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; друзья поэта находили здѣсь стиль, какимъ не умѣлъ писать ни одинъ изъ современниковъ, и массу ученыхъ замѣчаній, которыя были весьма цѣнными при тогдашнемъ недостаткѣ въ книгахъ. Самъ Петрарка былъ такого же мнѣнія; когда однажды по винѣ одного изъ этихъ друзей — почитателей было утрачено письмо къ Гвидо Сеттимо, — имъ овладѣваетъ безутѣшная скорбь, днемъ и ночью онъ ищетъ письмо, и потомъ извиняетъ это тщеславіе тѣмъ, что письмо дѣйствительно имѣло совершенно специальную цѣнность, — будучи прекрасно, оно кромѣ того было еще и полезно, въ немъ содержались добрыя поученія (*Fam. V, 16, 17*). Многія изъ писемъ являются на самомъ дѣлѣ моральными трактатами значительныхъ размѣровъ, они напичканы цитатами изъ древнихъ авторовъ, къ которымъ онъ благодаря своей большой начитанности могъ прибѣгать каждую минуту, и такимъ образомъ мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ полныхъ изданіяхъ его сочиненій отдѣльныя письма фигурируютъ, какъ особенныя книги. Правда, Петрарка неоднократно утверждаетъ, что онъ пишетъ своимъ друзьямъ совершенно безыскусственно, безъ особенныхъ усилій, такъ, какъ ему придетъ въ голову. Но этимъ увѣреніямъ нужно вѣрить нѣсколько осмотрительно; въ томъ же самомъ письмѣ (*Fam. XVIII, 8*), гдѣ онъ ихъ повторяетъ, въ письмѣ къ Франческо Нелли, онъ проситъ сдѣлать поправку въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, пришедшую ему на умъ потомъ. Авторъ самъ собралъ потомъ и опубликовалъ свою

корреспонденцію и при опубликованіи многое подчистилъ, измѣнилъ, устранилъ повторенія (см. Praef. Fam.). Отдѣльные слѣды такой перѣделки въ особенности удивительны, когда въ нѣкоторыхъ письмахъ идетъ рѣчь о событіяхъ, бывшихъ цѣлые годы спустя послѣ даты, означенной въ письмѣ, — очевидно позднѣйшія вставки. Вообще, что касается писемъ Петрарки, они не похожи на письма столькихъ другихъ, написанныя безъ всякой литературной задачи и лишь потомъ достигшія гласности; онъ напротивъ очевидно думалъ о гласности съ самаго начала, и относительно большей части писемъ это вполнѣ несомнѣнно. Одно собраніе, *Seniles*, сразу начато первымъ письмомъ, съ тѣмъ, чтобы причислить къ нему тѣ письма, которыя еще должны были появиться на свѣтъ; то же самое нужно сказать о послѣднихъ письмахъ *Familiares*, ибо они прибавлены послѣ распланировки собранія.

Письма Петрарки, какъ бы цѣнны ни были они въ другомъ отношеніи, являются началомъ тѣхъ специфическихъ литературныхъ писемъ, которыя въ эпоху Ренессанса возросли въ большомъ и даже слишкомъ большомъ количествѣ; изученіе ихъ можетъ многому научить, но не можетъ доставить большаго наслажденія.

Первое и самое полное собраніе Петрарка озаглавилъ *Regum Familiarium Liber*, чтобы отличить его отъ *Epistolae*, какъ онъ называлъ уже поэтическія письма (Praef. Fam. p. 23); собраніе это, обнимающее двадцать четыре книги, посвящено его другу Сократу (1359). Послѣднія изъ содержащихся здѣсь писемъ относятся къ началу шестидесятихъ годовъ, одно (XXIII, 19) даже относится къ 1366 году. Но уже въ 1361 году, прежде чѣмъ было окончено это собраніе, онъ началъ второе большое собраніе, куда должны были войти всѣ письма, сколько бы онъ еще ни написалъ ихъ до своей смерти. Онъ назвалъ это новое собраніе *Regum Senilium Liber* и посвятилъ его другому своему другу, Франческо Нелли.

Латинскій языкъ, на которомъ Петрарка писалъ свои произведенія, онъ разсматривалъ, какъ единственный органъ пригодный для самаго возвышеннаго стиля искусства и для важныхъ задачъ науки; употребленіе *volgare* опять, какъ при началѣ итальянской литературы, ограничивалась почти всецѣло узкимъ кругомъ любовной поэзіи. Но латынь все болѣе и болѣе дѣлалась мертвымъ языкомъ, ей можно было пользоваться черезъ посредство изученія, и какъ разъ старанія Петрарки очистить этотъ языкъ и вернуть его къ прежней чистотѣ и прежнему изяществу порвали тѣ немногія нити, которыми латынь была еще связана съ дѣйствительной жизнью, будучи употребляема въ дѣлахъ церкви и государства. Поэтому насколько была велика здѣсь заслуга ученаго, настолько долженъ былъ пострадать писатель; истинной поэтической силой отличается только живое слово, которымъ мы всегда пользуемся, которое непосредственно связано съ нашими ощущеніями, представленіями и образами. А при пользо-

вані рѣчью, выработанной съ трудомъ, должно было теряться много непосредственности, много личнаго, теплаго чувства, и стиль не могъ достигъ рѣзко-выраженной индивидуальности.

Тотъ характеръ, которымъ отличается заимствованіе Петраркой языка у древнихъ, повторяется, въ извѣстномъ смыслѣ, вообще въ его манерѣ переносить въ свои произведенія элементы классическаго искусства.

Классицизмъ былъ силенъ и раньше въ итальянской литературѣ; но съ Петраркой онъ совершенно измѣняетъ свой характеръ. Сочинители Фіорі, романовъ, новеллъ, переводовъ, относящихся къ XIII столѣтію, преклоняясь передъ древностью и полагая, что они ее прекрасно знаютъ, связали ее съ идеями и обычаями собственной эпохи. «Божественная комедія» Данте, преисполнена античныхъ именъ; мы видимъ здѣсь Харона, Миноса, Плутона, Фурій, Минотавра, Геріона и Центавровъ, адскія рѣби, въ «Чистилищѣ» встрѣчаемся съ Кафономъ и со столькими другими; но у него это только имена и внѣшность, — личности и явленія, изображаемыя имъ, отличаются чисто христіанскимъ и средневѣковымъ характеромъ. Данте рассказываетъ классическія легенды, но всегда придаетъ имъ собственную окраску, онъ старается даже переводить стихи Вергилія, но когда они появляются въ «Божественной комедіи» они преобразены его могучимъ геніемъ и представляютъ изъ себя его собственность. Тотъ Вергилій, котораго Данте представлялъ себѣ, уже не является истиннымъ Вергиліемъ, онъ получилъ средневѣковую дантевскую фізіономію. Петрарка зналъ почти тѣхъ же самыхъ писателей древности, которыхъ читали его предшественники, Брунетто Латини и Данте¹⁾, но онъ изучилъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и съ большей основательностью, онъ постарался понять ихъ духъ непосредственно. Онъ освободилъ античный міръ отъ средневѣковой окраски, онъ хотѣлъ познать его въ его чистотѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ въ дѣйствительности существовалъ. Отсюда между классицизмомъ до Петрарки и классицизмомъ послѣ него возникаетъ значительная разница; первый въ извѣстной мѣрѣ можно обозначить, какъ традицію; это были представленія, сужденія, свѣденія, какъ средніе вѣка наслѣдовали ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, налагая на нихъ собственную печать; съ теченіемъ времени они значительно увеличились, но духъ оставался тотъ же. Напротивъ, Петрарка отбрасываетъ прочь ходячія идеи, онъ возвращается къ самымъ источникамъ, и такимъ образомъ начинается Возрожденіе. Петрарка является основателемъ современныхъ изученій древности; въ этомъ его великая заслуга; но не слѣдуетъ забывать, что это заслуга ученаго, а не поэта. То, что было съ одной стороны громаднымъ преимуществомъ, что обосо-

1) Koerting, e. c. p. 467.

ываешь его славу въ области науки, съ другой стороны должно было нанести ущербъ его собственному творчеству, поставивъ его въ большую зависимость отъ его образцовъ. Въ его латинскихъ сочиненіяхъ повсюду чувствуются путы, сковывающія полетъ его мысли и чувства. Въ то время, въ началъ Эпохи Возрожденія, когда великъ былъ энтузіазмъ по отношенію ко всему античному,—эти античные элементы должны были конечно восприниматься съ извѣстнымъ пристрастіемъ; свобода и развитіе, которые привели къ перемѣнѣ, къ чему то новому и оригинальному, могли придти только значительно позднѣе, когда достигли зрѣлой законченности всѣ тѣ идеи и знанія, которыя были ассимилированы современной жизнью, и которыя постепенно стали приобрѣтаться безъ такихъ большихъ затрудненій.

Всѣ эти путы исчезали, какъ только для своего поэтическаго творчества онъ начиналъ пользоваться естественнымъ органомъ литературнаго творчества, своимъ роднымъ языкомъ; въ итальянскихъ пѣсняхъ его индивидуальность выразилась свободнѣе, его поэтической талантъ могъ развиваться съ большей полнотой. Самъ онъ ожидалъ безсмертія отъ латинскихъ произведеній, въ особенности отъ «Африки» и отъ книги *De Viris Illustribus*; о своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ на *volgare*, онъ почти вездѣ, гдѣ только ему приходится упоминать о нихъ, говорить пренебрежительно, какъ о пустякахъ, какъ объ игрушкахъ пригодныхъ для необразованныхъ и для черни: *vulgaria iuveniliū laborum meorum cantica*, называетъ онъ ихъ въ *Fam. VIII, 3 (1349)*, *quorum hodie pudet et poenitet, sed eodem morbo affectis, ut videmus, a seceptissima*, и въ *Sen. XIII, 10*, приблизительно за полтора года до своей смерти, онъ писалъ слѣдующее, при посылкѣ своихъ канцонъ Пандольфо Малатеста, владыкѣ Пезаро: «неохотно, признаюсь, вижу я въ этомъ возрастѣ, какъ распространяются мои юношескія глупости, относительно которыхъ я желалъ бы, чтобы онѣ не были извѣстны никому, были бы даже неизвѣстны и мнѣ, насколько это возможно». Но въ этихъ сужденіяхъ по крайней мѣрѣ одна часть должна быть поставлена на счетъ преувеличенной скромности, какъ это мы видѣли относительно другихъ его произведеній. Если бы онъ дѣйствительно считалъ эти произведенія нестоящими вниманія, врядъ ли онъ сталъ бы такъ много заботиться объ ихъ отдѣлкѣ, какъ мы это видимъ по сохранившимся отрывкамъ его автографовъ; стихотвореніями второй части и *Trionfi* онъ былъ даже занятъ до самой старости. Если, какъ говоритъ онъ въ томъ же самомъ письмѣ, *Sen. XIII, 10*, онъ долженъ былъ увидать, что эти любовныя стихотворенія сдѣлались болѣе популярными, чѣмъ всѣ другія его работы, это большое одобреніе, повидимому, въ концѣ концовъ не возбуждаетъ въ немъ неудовольствія, и онъ даже скорбитъ, что онъ не писалъ такія пѣсни въ большемъ количествѣ и въ формѣ болѣе совершенной (*Son. S'io avessi pensato*).

Какъ въ его время, такъ и въ послѣдующее, большая публика относилась къ его поэтической дѣятельности всегда именно такимъ образомъ. Сонеты и концоны всегда возбуждали большее сочувствіе, нежели его эпосъ, его письма, трактаты и компіляціи. И публика была права, что бы ни говорили противъ этого нѣкоторые изъ новѣйшихъ біографовъ поэта. Итальянскія стихотворенія Петрарки являются наиболѣе оригинальной и наиболѣе значительной чертой его творческой фізіономіи.

Въ моральныхъ трактатахъ Петрарки схоластическій методъ среднихъ вѣковъ исчезъ; онъ философствуетъ на манеръ римскихъ моралистовъ, Цицерона или Сенеки, т. е. нѣсколько поверхностнымъ образомъ, нерѣдко растянута и съ декламаторскими приѣмами, но ясно и просто, безъ напыщенныхъ и неудобныхъ школьныхъ прикрасъ. Схоластики были его врагами; онъ боролся противъ стараго педантизма и ложной утонченности, противъ идолопоклонническаго отношенія къ авторитету Аристотеля, низложенію котораго въ значительной степени послужили сочиненія Петрарки. Въ этомъ, конечно, былъ прогрессъ, была заслуга, но не нужно однако дѣлать изъ него большаго философа. Крупная научная репутація какого нибудь мыслителя основывается на значительныхъ оригинальныхъ идеяхъ, которыми онъ обогатилъ область мышленія; но такихъ крупныхъ оригинальныхъ идей никто еще до нынѣ не открылъ у Петрарки. Петрарка былъ ученымъ, его познанія проистекаютъ изъ знакомства съ древними писателями; его наука, какъ вообще наука этой эпохи, была воспроизведеніемъ, воссозданіемъ, и не могла быть ничѣмъ инымъ. Если въ его ученыхъ работахъ есть что нибудь значительное, это не количество нагроможденнаго въ нихъ знанія, а общая манера, общее направленіе его научныхъ занятій, откуда идетъ начало новаго образованія. Оригинальность Петрарки заключается не въ его идеяхъ, а въ его чувствахъ, такимъ образомъ онъ является не великимъ мыслителемъ, а великимъ поэтомъ; насъ интересуютъ въ немъ художникъ и человѣкъ, слѣды ихъ мы отыскиваемъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ, посреди всѣхъ этихъ пространныхъ морализацій и эрудиціонныхъ сборниковъ, понятно, устарѣвшихъ съ успѣхами знанія.

Эрудиціоннымъ характеромъ отличался также и политическій идеалъ Петрарки, который онъ, какъ мы видѣли, такъ часто и такъ напрасно старался провести въ дѣйствительность. Его мыслямъ недоставало глубины и ясности, потому что онъ не развивались въ его собственномъ умѣ. У Данте была политическая система; она могла быть ложной и односторонней, но она была его собственностью; онъ самъ ее продумалъ и боролся за нее со всѣмъ жаромъ своей страстной природы. Петрарка былъ пламениымъ патриотомъ; но его идеи были общими и недостаточно опредѣленными, — это

общая идея свободы, идея отечества, Италиі; онъ грезилъ о возста- новленіи римскаго величія, предпочтительнѣе — республики, а такъ какъ это было невозможно, то монархіи. Онъ хотѣлъ, чтобы папа и императоръ прибыли въ Римъ и возвратили ему его прежній блескъ; но какъ могли существовать рядомъ двѣ такія власти, онъ объ этомъ не размышлялъ. Въ Sep. VII, онъ пророчествуетъ, обращаясь къ папѣ Урбану V (1366), «что, пока Рома будетъ покинута своими супру- гами и лишена своихъ глазъ, ни судьбы человѣчества не могутъ при- няты надлежащаго теченія, ни христіанскія страны не будутъ имѣть покоя. Если къ ней возвратится одинъ изъ ея супруговъ, это будетъ превосходно, если оба, въ этомъ будетъ слава и блаженство». Онъ нешелъ дальше этихъ общихъ формулъ прибытія папы и императора въ Римъ. Въ политикѣ онъ также былъ не мыслителемъ, а поэтомъ, онъ не былъ способенъ войти въ сферу реальныхъ событій посред- ствомъ надлежащаго совѣта или активной дѣятельности, онъ умѣлъ только въ краснорѣчивой формѣ высказывать свои искреннія чув- ства, свою любовь къ родинѣ; онъ дѣлалъ это во многихъ мѣстахъ своихъ латинскихъ сочиненій, но краснорѣчивѣе всего это вырази- лось въ его знаменитой канцонѣ къ Италиі:

Italia mia, benchè ile parlar sia indarno.

Это одно изъ немногихъ итальянскихъ стихотвореній, которыя не говорятъ о любви, и въ тоже время одно изъ самыхъ прекрасныхъ, какія когда либо были написаны въ Италиі.

Петрарка видитъ свою родину жертвой анархіи, разрываемую без- прерывными войнами и обращается въ своихъ стихахъ противъ того, что считаетъ причиною зла, противъ чужеземныхъ наемныхъ отрядовъ, которыми началъ наполняться полуостровъ. Изъ войскъ, пришедшихъ въ Италию вмѣстѣ съ нѣмецкимъ императоромъ, въ особенности изъ войскъ Людовика Баварскаго, въ странѣ оста- лись отдѣльныя группы солдатъ; постепенно они возрастали, благо- даря новымъ притокамъ, и, образуя опредѣленныя банды подъ началь- ствомъ извѣстныхъ вожаковъ, какъ напримѣръ, въ особенности зна- менитая Grande Compagnia, переходили изъ провинціи въ провинцію, вездѣ налагая контрибуціи. Такъ возникли въ Италиі кондотьеры; князья и города пользовались этими бандами для своихъ междоусоб- ныхъ войнъ, и съ тѣхъ поръ военная правоспособность итальян- цевъ, заставлявшихъ биться за себя наемныя труппы, все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ. Петрарка увидѣлъ въ этомъ поноше- ніе и униженіе своего отечества; въ немъ возмущается гордость римлянина противъ этихъ варваровъ, продающихъ свою душу за деньги, противъ беззаконниковъ, которыхъ Марій рубилъ въ куски, кровью которой Цезарь широко кругомъ обрызгалъ поля, и кото- рымъ теперь сообщаютъ силу раздоры властителей. Онъ умоляетъ

этихъ послѣднихъ сочетаться воедино, забыть ненависть и ревность, помнить о святости земли, въ которой покоятся ихъ дѣды и отцы, и тѣсно сплотиться вмѣстѣ ради ея защиты; тогда всѣ эти орды быстро исчезли бы изъ Италіи, и снова воззвались бы миръ и свобода: «добродѣтель подниметъ оружіе противъ бѣшенства, и битва будетъ коротка; ибо старая храбрость еще не умерла въ итальянскихъ сердцахъ».

Virtù contra furore
Prendera l'arme e fia 'l combatter corto;
Che l'antico valore
Negl' italici cor non è ancor morto.

Чувство, выразившееся въ этой канцонѣ такъ прекрасно и сильно, было общимъ и сохранилось на цѣлыя столѣтія, потому что бичъ, подавшій ему поводъ появиться, оставался и усиливался, и такимъ образомъ канцона къ Италіи сохранила свою свѣжесть и совершенно юношескую непочатость. Макіавелли цитируетъ упомянутые стихи своему князю въ концѣ книги *Principe*, когда побуждаетъ его изгнать варваровъ, и въ нашемъ столѣтіи эта канцона сдѣлалась пѣснью новой Италіи въ ея борьбѣ за освобожденіе отъ австрійскаго владычества.

Петрарка былъ натурой деликатной, съ сердцемъ мягкимъ и уступчивымъ, поэтому онъ былъ въ особенности впечатлителенъ къ чувству дружбы; немногіе люди культивировали это чувство съ такой ревностью, и насколько сильна была въ немъ данная потребность, мы ясно видимъ это изъ его переписки. Однажды онъ имѣлъ идею создать себѣ извѣстнаго рода рай дружбы; послѣ ужасовъ чумы 1348 года, когда онъ потерялъ столько изъ своихъ милыхъ, у него родился планъ провести остатокъ своей жизни подъ одной кровлей, вмѣстѣ съ тремя оставшимися въ живыхъ друзьями, вмѣстѣ съ Соократомъ, Майнардо Аккурсіо и Лука Крестіано. Онъ предложилъ имъ свой уединенный домикъ близъ Пармы; отсюда они могли уходить и наслаждаться всѣмъ великолѣпіемъ Италіи, пышностью городовъ и красотами природы; но если, говорилъ онъ, имъ понравится другое мѣсто онъ согласенъ присоединиться къ нимъ и послѣдовать за ними, куда они захотятъ; ради наслажденія быть вмѣстѣ съ ними онъ хотѣлъ отрѣшиться отъ всего, что его до сихъ поръ приковывало (*Fam. VIII, 2—5*). Мысли этой не суждено было осуществиться, — вскорѣ послѣ того, какъ она у него возникла, къ нему пришла вѣсть, что Майнардо Аккурсіо и Лука Крестіано подверглись нападенію со стороны разбойниковъ во время своего путешествія во Флоренцію, и первый былъ убитъ.

Когда мы видимъ, какъ велико было число его друзей и съ какой любовью они относились къ нему всю свою жизнь, мы должны заключить, что онъ обладалъ личной привлекательностью совершенно особенной. Дѣйствительно его письма свидѣтельствуютъ о крайней деликатности,

учтивости и мягкости. Такія качества должны были служить ему на-
 выгоду, въ особенности тогда, когда онъ вступалъ въ какія нибудь
 отношенія съ владѣтельными особами. Многіе изъ этихъ послѣднихъ
 оказались мало достойными его дружбы и преданности. Среди тогдаш-
 нихъ властителей Италіи политика уже начала принимать то напра-
 вленіе, которое вполнѣ развилось въ XV и XVI столѣтіяхъ и нашло
 свое выраженіе въ Ріпсіре Маккиавелли. Это была личная политика,
 не останавливавшаяся ни передъ какимъ преступленіемъ, ради ди-
 настическихъ выгодъ. Якопо да Каррара, котораго Петрарка назы-
 валь (Fam. XI, 2) «человѣкомъ превосходнымъ, отличающимся вся-
 кими похвальными качествами, но въ особенности необыкновенной
 ангельской мягкостью характера... властителемъ Падуи или скорѣе
 отцомъ отечества», достигъ власти, убивъ своего двоюроднаго брата,
 хотя, какъ разсказываютъ о немъ, управлялъ потомъ самымъ достой-
 нымъ образомъ. Аццо да Корреджіо достигъ, благодаря измѣнѣ, облада-
 нія Пармой, обманулъ затѣмъ именно того, кто помогъ ему овладѣть
 городомъ и кому онъ обѣщаль передать его черезъ четыре года, Лук-
 кино Висконти, и продалъ свой родной городъ за 60,000 золотыхъ
 флориновъ Обиццо Эсте. Племянники архіепископа Джіованни Вис-
 конти, которые въ 1354 г. замѣстили его въ управленіи Миланомъ,
 Бернабо и Галеаццо, были грубыми тиранами, услаждавшимися цѣ-
 лымъ рядомъ безцѣльныхъ жестокостей. Петрарку упрекали въ сла-
 бости характера, такъ какъ онъ былъ способенъ просмотрѣть такія
 вещи, и во всякомъ случаѣ онъ не понималъ практической жизни,
 если безнравственность такихъ положеній оставалась для него скры-
 той. Но во всякомъ случаѣ онъ никогда не пользовался своимъ влія-
 ніемъ, своей близостью къ владыкамъ, для дурныхъ цѣлей, не достав-
 лялъ себѣ никакихъ личныхъ выгодъ, напротивъ онъ пользовался
 своими связями на благо родины или того, что ему казалось ея благомъ.
 Онъ свободенъ также отъ упрека въ угодничествѣ. Конечно онъ слиш-
 комъ высоко цѣнилъ заслуги короля Роберта, но въ этомъ онъ былъ
 искрененъ, онъ обманываль самого себя, а не другихъ; свое край-
 нее преклоненіе передъ монархомъ онъ выражалъ гораздо прежде, чѣмъ
 познакомился съ нимъ лично (Fam. I, 1, самое позднѣе 1326 г.), и
 выражалъ свои чувства болѣе часто послѣ смерти императора, когда
 онъ не могъ ничего уже отъ него ожидать. Прочитированныя слова от-
 носительно Якопо да Каррара написаны равнымъ образомъ, когда князя
 уже не было въ живыхъ, а съ Аццо да Корреджіо поэтъ оставался
 въ самой тѣсной дружбѣ послѣ того, какъ онъ былъ низвергнутъ
 съ своего высокаго положенія, посвятилъ ему книгу De Remediis и
 самымъ горестнымъ образомъ оплакиваль его утрату, утверждая, что
 онъ былъ превосходнѣйшимъ человѣкомъ, и что только зависть и
 клевета могли омрачить его славу (Var. 19). Если же онъ употреб-
 лялъ по отношенію къ правителямъ выраженія, которыя представ-

ляются намъ преувеличенными похвалами, это было только риторическимъ преувеличеніемъ, то же самое мы находимъ и въ его письмахъ къ друзьямъ, стоящимъ на одинаковомъ съ нимъ уровнѣ или ниже его, и кромѣ того нужно помнить, что, вступая въ отношенія съ правителями, онъ не могъ рѣзко порывать съ обычаями своего времени и съ обычаями всѣхъ временъ.

Вообще, конечно, удивительно, что онъ, всегда восхвалявшій уединеніе и проповѣдовавшій противъ суетной пышности дворовъ, все же такъ часто вступалъ въ сношенія съ владыками. Его друзья при случаѣ упрекнули его въ этомъ противорѣчии, именно въ 1353 году, когда онъ оставался въ Миланѣ у архіепископа Висконти; даже скромный Боккаччо выразилъ неодобреніе въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, обвинялъ Петrarку, что онъ не вѣренъ по отношенію къ своимъ собственнымъ принципамъ, столько разъ выраженнымъ, что онъ ставитъ себя въ зависимость отъ того, кого онъ еще такъ недавно ненавидѣлъ, и кто былъ врагомъ его родного города, болѣе того онъ не побоялся даже усмотрѣть побудительную причину такого рѣшенія въ жаждѣ богатства. Петrarка извинялся, указывая что онъ не могъ, отклонить настойчивой просьбы архіепископа и что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ онъ не могъ найти такой подходящей и такой спокойной обстановки для своихъ занятій (Fam. XVI, 12 и Var. 25). Позднѣе онъ однажды гордо сказалъ, что не онъ жилъ съ князьями, а князья съ нимъ (Sen. XVII, 2). Даже и въ старости онъ видимо не утратилъ чувствительности къ почестямъ и отличіямъ.

Постоянная привычка слышать похвалы обусловила въ Петrarкѣ большую впечатлительность, разъ противъ него, въ видѣ исключенія, высказывалось порицаніе; несмотря на признаніе почти безпримѣрное со стороны современниковъ, онъ часто жалуется на враговъ и завистниковъ, на людей его преслѣдующихъ и пытающихся уменьшить его репутацію, ибо заслуга другихъ причиняетъ имъ досаду. Въ полемикѣ онъ выказываетъ большую запальчивость. Когда стихи изъ «Африки» подверглись во Флоренціи критикѣ, онъ обвинялъ всѣхъ флорентинцевъ въ наглости и въ легковѣсности сужденій; кого-то, кто осмѣливался порицать его, за то, что онъ въ одномъ латинскомъ стихѣ употребилъ короткій слогъ вмѣсто долгаго, онъ называетъ осломъ и пьяницей (Epist. poet. III, 26). Въ 1366 году четыре молодыхъ человѣка изъ благородныхъ фамилій собрались вмѣстѣ въ Венеціи и произнесли надъ Петrarкой насмѣшливый судебный приговоръ, по которому объявили его человѣкомъ хорошимъ, но не ученымъ. Самымъ достойнымъ было бы сохранять молчаніе и предоставить глупцамъ болтать, что они хотятъ; но не таковъ былъ Петrarка; онъ написалъ сочиненіе *De sui ipsius et multorum ignorantia*, которое въ базельскомъ изданіи (р. 1141 и слѣд.) занимаетъ двадцать семь страницъ *in folio*, сочиненіе, гдѣ онъ утверждаетъ, что его про-

тивники считаютъ его невѣжественнымъ лишь по одной причинѣ, именно потому что онъ не присягаетъ авторитету Аристотеля и потому что онъ добрый христіанинъ; онъ обвиняетъ такимъ образомъ своихъ противниковъ въ отсутствіи должной религіозности и сѣтуетъ на то, что въ Венеціи слово пользуется такой безграничной свободой, и такое знаменитое имя лишено гарантій. Самъ онъ нерѣдко унижалъ себя преувеличенной скромностью, но не былъ въ состояніи сносить чужую критику или относиться къ ней съ пренебреженіемъ.

Что касается его положенія въ свѣтѣ, Петрарка былъ конечно счастливымъ человѣкомъ. Если онъ и не былъ богатъ, то во всякомъ случаѣ, благодаря доходамъ отъ своихъ духовныхъ должностей, онъ обладалъ достаточнымъ благостояніемъ, чтобы имѣть возможность отдаваться своимъ склонностямъ, своей страсти къ книгамъ, къ далекимъ странствованіямъ, къ спокойному пребыванію въ деревенской обстановкѣ, безъ помѣхи, причиняемой домашними заботами; за свой необыкновенный талантъ онъ былъ всѣми уважаемъ, и осыпалъ со стороны владѣтельныхъ особъ почестями. И однако же его сочиненія исполнены слезъ и жалобъ, онъ говоритъ, что счастье постоянно измѣняетъ ему. Собравъ свои письма, онъ самъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что слезливость увеличивается въ нихъ все болѣе и болѣе (Praef. Fam.) и, какъ на причину этого, онъ указываетъ на потерю столькихъ своихъ друзей. Онъ, обладавшій такимъ нѣжнымъ отношеніемъ къ дружбѣ, долженъ былъ чувствовать особенно живо пробѣлы, которые причиняла въ его существованіи смерть его возлюбленныхъ. Его постоянно повторяющіяся жалобы и соображенія о непрочности человѣческой жизни дѣлаются болѣе понятными въ эпоху такой громадной смертности, какъ то время, когда чума, появившаяся впервые въ 1348 году, все снова и снова начинала свирѣпствовать и уносить безчисленныя жертвы, среди нихъ — многихъ изъ его близкихъ. Самъ онъ не обладалъ сильнымъ духомъ, способнымъ мужественно бороться съ несчастьемъ; какъ часто онъ себѣ ни ставилъ задачей быть мужественнымъ, скорбь дѣлала его мягкимъ и уступчивымъ. Къ этому еще присоединяется глубокая меланхоличность его натуры, черта, въ силу которой онъ былъ болѣе воспримчивъ къ самымъ ничтожнымъ горестямъ жизни, испытывалъ извѣстное недовольство по отношенію ко всему человѣческому вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда былъ недоволенъ собственнымъ состояніемъ внутренней грѣховности. Отсюда — его безпокойство и неустойчивость; онъ самъ въ поэтическомъ письмѣ къ Джакомо Колонна (I, 7) представилъ это такимъ образомъ, какъ будто причиной его скитаній является бѣгство отъ любви; конечно, любовь была неоднократнымъ мотивомъ къ этому, но во всякомъ случаѣ мотивомъ не единственнымъ¹⁾,

1) Сравни Zumbini, Studi p. 10 и слѣд.

ибо онъ продолжалъ странствовать, и послѣ того какъ его возлюбленная умерла, и въ 1352 году, когда дожъ Андреа Дандоло изумленный спросилъ его, какъ онъ можетъ вести образъ жизни такъ мало согласующійся съ его научными занятіями, Петрарка отвѣтилъ (Fam. XV, 4): «кто желаетъ вѣрить мнѣ, тотъ не можетъ не повѣрить въ то, что, если бы я гдѣ нибудь подъ небомъ нашель хорошее мѣсто, даже только бы не плохое, чтобы не сказать слишкомъ плохое, я бы съ радостью остался тамъ навсегда; теперь же, когда я лежу на скверной жесткой постели, я перебрасываюсь то туда, то сюда и никакъ не найду покоя, къ которому стремлюсь съ такой жадностью». Онъ называетъ это мучительной болѣзнью духа, и написанное имъ въ 1371 или 1372 году письмо ad Posterios онъ, говоря о своемъ возвращеніи во Францію въ 1351 году, заканчиваетъ такими словами: «я снова возвращаюсь во Францію, гонимый безпокойствомъ, не столько изъ желанія вновь увидѣть тысячу разъ видѣнное, сколько повинуюсь тому стремленію, которое заставляетъ больныхъ искать въ перемѣнѣ мѣста облегченіе недуговъ». Эту духовную болѣзнь, это безпрерывное недовольство тягостями существованія, онъ называетъ *acidia* (*Secretum*, Dial. II, p. 393 и слѣд.) и въ этомъ не безъ основаній увидѣли начало тѣхъ духовныхъ мукъ, которыя въ наше время называютъ міровой скорбью. Но у Петрарки мы видимъ только начало этой манеры воспріятія, ибо святой Августинъ въ *Secretum* способенъ утѣшить его упоминаніемъ объ общихъ и неизбѣжныхъ злополучіяхъ челоуѣчества, въ то время какъ истинная міровая скорбь находитъ во всеобщихъ и необходимыхъ страданіяхъ всего созданнаго свою настоящую пищу и, какъ у Леопарди, свое самое высокое вдохновеніе. Кромѣ того, у Петрарки не было еще и той безграничной безутѣшности, которая имѣетъ своимъ основаніемъ религіозныя сомнѣнія.

Петрарка, который самъ очень рано вступилъ въ духовное званіе, обладалъ искренней религіозностью; онъ живо оплакивалъ безбожіе и испорченность своей эпохи, и въ особенности негодовалъ на язву, которая проникла въ самое сердце Церкви. Съ юности онъ жилъ вблизи папскаго двора, и научился гнушаться имъ, какъ сборнымъ пунктомъ всякихъ пороковъ и низкихъ страстей. Хотя въ Авиньонѣ онъ нашель предметъ своей любви, этотъ городъ въ сущности былъ ему ненавистенъ уже потому, что благодаря ему у священнаго Рима была отнята папская резиденція; онъ обыкновенно называетъ его новымъ Вавилономъ, пользуясь образомъ порочнаго города, описываемаго въ Апокалипсисѣ. Безнравственность высшаго духовенства, папы и кардиналовъ, онъ жестоко бичуетъ въ двухъ эклогахъ, шестой и седьмой, и тѣмъ же сюжетомъ занимаются преимущественно его *Epistolae sine titulo*. Это были письма, которыя онъ писалъ своимъ друзьямъ, но гдѣ, по причинѣ ихъ содержанія, выпустилъ имена адресатовъ и по большей части или почти всегда свое собственное имя

(см. Epistola 11, въ концѣ). По этой же причинѣ онъ не помѣстилъ ихъ въ собранія другихъ своихъ писемъ, предназначенныхъ для опубликованія, но создалъ для нихъ особое дѣленіе, *безъ заглавія* (sine titulo), въ противоположность другимъ, озаглавленнымъ Familiars и Seniles. Это небольшое собраніе онъ намѣревался при своей жизни не доводить до свѣдѣнія тѣхъ, кто могъ быть шокированъ его содержаніемъ; онъ боялся ненависти, которую могла навлечь на него правда, высказанная здѣсь открыто и не окутанная, какъ въ эклогахъ, покровомъ аллегоріи; этотъ голосъ осужденія долженъ былъ звучать послѣ его смерти. Дѣйствительно, здѣсь пороки папскаго двора во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ восемнадцатомъ письмѣ, написанномъ къ Франческо Нелли, изображены съ беспощадной правдивостью въ самыхъ яркихъ и отталкивающихъ краскахъ. Но свое наиболѣе полное выраженіе это чувство негодованія на оскверненія предметовъ священныхъ нашло, какъ всегда, въ томъ случаѣ, когда онъ пользовался своимъ роднымъ языкомъ, именно въ трехъ сонетахъ, направленныхъ противъ куріи. Эти ощущенія омерзения въ письмахъ sine titulo теряющія неоднократно и въ значительной степени свою силу благодаря растянутости, здѣсь, въ особенности въ сонетѣ *Fiamma dal ciel su le tue tresse piova*, являются сконденсированными въ немногихъ сильныхъ фразахъ, въ которыхъ мы замѣчаемъ глубокое волненіе поэта.

Однако религіозное возрѣніе среднихъ вѣковъ недовольствовалось простой набожностью и правовѣрностью; оно не только ставило небесное выше земного, но и не хотѣло давать этому послѣднему никакого мѣста рядомъ съ первымъ; кто хотѣлъ завоевать небо, тотъ долженъ былъ презирать міръ. Это убѣжденіе раздѣлялъ и Петрарка; но у него этотъ взглядъ пришелъ въ противорѣчивое соотношеніе со складомъ его натуры и съ жадно имъ впитанными идеями древнихъ, которые любили землю. Сперва онъ всецѣло отдавался своимъ склонностямъ, но затѣмъ послѣдовалъ долгій періодъ борьбы и колебаній, во время котораго въ груди его боролись между собою два міросозерцанія, небо и земля. Его разумъ осуждалъ земныя желанія и стремленія; но фантазія и чувственность приковывали его къ соблазнительнымъ образамъ пышности и радостей этого міра, человекъ и поэтъ боролись въ немъ противъ аскета. Онъ называлъ славу непрочнымъ дыханіемъ, тѣнью, ничтожествомъ, и однако же никто никогда не любилъ такъ славу, какъ онъ; онъ поносилъ въ своихъ трактатахъ женщинъ, а въ пѣсняхъ воспѣвалъ Лауру; въ томъ самомъ году, когда онъ началъ книгу *De Vita Solitaria*, онъ написалъ канцону *Ben mi credea passar*, и въ томъ году, или въ слѣдующемъ, когда была начата монашеская проповѣдь *De Otio Religiosorum*, былъ написанъ сонетъ *Qual mio destin*. «Еще не истекъ третій годъ», писалъ онъ въ 1335 году къ Діониджи да Борго С. Сеполькоро (Fam IV, D),

«съ тѣхъ поръ какъ, наряду съ той негодной и извращенной склонностью, которая нераздѣльно владѣла моимъ сердцемъ, возникла другая, борющаяся противъ нея, и между ними обѣими продолжается битва жестокая, до сихъ поръ еще не рѣшенная». Въ письмѣ къ Джакомо Колонна (Fam. II, 9), онъ говорилъ въ 1336 г., что, когда онъ читаетъ сочиненіе святаго Августина, ему иногда кажется, какъ будто онъ пробуждается отъ глубокаго сна: «но подъ гнетомъ смертной части моего существа снова упадаютъ рѣсницы, и снова я пробуждаюсь, и снова я засыпаю. Мои склонности колеблются, мои желанія спорятъ другъ съ другомъ и, споря, разрываютъ меня». Такимъ образомъ внѣшній человекъ боролся въ немъ противъ внутренняго, и, еслибы Богъ не помогъ, побѣдилъ бы первый. Въ слѣдующемъ году родился его побочный сынъ Джіованни, и приблизительно около того же времени, когда онъ сочинялъ свои діалоги съ сватымъ Августиномъ, должна была появиться на свѣтъ его дочь Франческа. Быть можетъ именно чувство раскаянія въ этихъ ложныхъ поступкахъ выражалось въ письмѣ къ Джакомо Колонна и послужило отчасти поводомъ къ его діалогамъ *Secretum*. За такой побѣдой земныхъ побужденій снова слѣдовала реакція, угрызенія совѣсти и самообвиненія, преувеличеніе собственной вины. Его преслѣдовали тоскливыя мысли о смерти; онъ старался приготовиться къ этой идеѣ, приучить себя къ ней. Ночью, когда къ нему приступали такія мысли, онъ придавалъ своему тѣлу положеніе умирающаго, рисовалъ себѣ приближеніе послѣдняго часа и даже агонію; но, вмѣсто того чтобы найти спокойствіе и умиротвореніе, онъ въ ужасѣ вскакивалъ съ постели (*Secretum*, p. 380). Нѣкогда, увлеченный смѣлымъ самосознаніемъ юности, онъ отправился получить въ Капитоліи поэтическій вѣнецъ; девять лѣтъ спустя (1350) онъ снова отправился въ Римъ, но съ другимъ намѣреніемъ, онъ предпринялъ туда паломническое странствованіе, онъ отправлялся на церковный юбилей, и его заботой было спасеніе собственной души. Съ этого времени, какъ говоритъ онъ, онъ могъ сдѣлаться властелиномъ своихъ чувствъ,—въ его письмахъ и сочиненіяхъ религіозный элементъ все болѣе и болѣе укрѣпляется.

Но старое противорѣчіе какъ бы безсознательно продолжало существовать. Онъ читалъ святыхъ отцовъ, но не забывалъ однако и классическихъ авторовъ, презиралъ землю, но удивлялся римскому величію, уничижалъ и унижалъ себя, но не могъ выносить, чтобы кто-нибудь прикасался къ его славу; свой аскетическій трактатъ *De Remediis* онъ наполнилъ классической эрудиціей; онъ писалъ (*Sen.*, XV, 4); *foemina ut in plurimis verus est diabolus*, и однако же онъ сочинилъ *Vime in morte di Madonna Laura*, и работалъ надъ *Trionfi* еще не долго передъ своей смертью.

Въ этой душевной борьбѣ, въ этихъ противорѣчивыхъ вспышкахъ страсти, которая не можетъ достигъ владычества но и не умираетъ,

а постоянно снова разгорается, развивается богатая разносторонняя жизнь, болѣе важная и интересная, чѣмъ всѣ событія его внѣшняго существованія, гдѣ его чувства и желанія никогда не могли найти полнаго воплощенія. Его духъ былъ болѣе устремленъ внутрь, на то, что переживалось его сердцемъ, нежели на явленія внѣшняго міра; такимъ образомъ онъ преимущественно былъ предназначенъ къ роли лирическаго поэта, и высшимъ, что онъ доставилъ, въ чемъ его индивидуальность сказала болѣе живо, полно и артистически, являются именно его лирическія стихотворенія, итальянскія пѣсни, въ которыхъ онъ воспѣлъ свою любовь къ Лаурѣ.